

рисунок, живопись, скульптура, архитектура, композиция, история искусств

ЖУРНАЛ

№№

7-8

2002

Московского Академического Художественного Лицея
Российской Академии Художеств

Москва

Ли́за За́лещи́на

ныне Залегина Елизавета Владимировна.

Мой первый дневник.
(Правописание с оригинала)

1985 год, 8 сентября, воскресенье.

С 3 по 7 сентября - осенняя практика.

Сегодня день прошел очень разнообразно, но настроение было плохое. С утра убралась, помыла маме. Потом мама намазала зеленкой меня и С. «брат Сергей», было весело. Поехали в магазин, пришлось утираться с потом (лицо в зеленке). Вечера мама связала мне кофту, подарила сумку. Завтра иду в школу. Будет 6 уроков.

9 сентября, понедельник.

Сегодня пошла в школу. Первый русский. О.Л.

<Зинина О.Л.> сказала, что снижаются оценки за потерю. Не знаю, как быть. Мама с ней собирается поговорить (я же левша). Был классный час. Домой пришла полшестого. Да! Писала сочинение. Ну и напугилась. Впереди трудная учеба.

10 сентября, вторник.

Сегодня схватила гетверку по алгебре (плохо), была физ-ра - мне понравилось. Кинула тяж. тяж на 2 и 50 см (для меня даже много). Завтра простояла работ за осеннюю практику. Много готовилась, подправляла наброски, делала эскизы в цвете. Сегодня отнесла на живопись корзиночку ложку два перца два полотенца и радичу. Сама делаю нат. с радичой. (О.Л. оказывается шилом себе!) До сих пор не отдала дом Юлике, завтра может отдам. (20 коп.)

11 сентября, среда.

Ничего хорошего не произошло. По практике всем поставили 3 (жив.) кроме Кури., Куп., Морон. (9). Мне тоже тройкам. Сказали, что дикая зелень в этиодах. Начала делать натюр. с коритиевым кубшином. Пока сделала только эскизы тоном и цветом. P.S. Хорошая ботаничка (веселая) «Грабо Н.В.».

Наверное буду ходить в живой уголок. Дом так и не отдала. Нош от физ-ры ужасно болят (исключено).

12 сентября, гетверг.

Получила 5 по ботанике. Было 5 уроков спец. уроков не было завтра 3 рисунка. За весь 9 часа сделала готовый натюрпорт с темным кушином. Дом Юлике отдала, но потом опять забрала (надо было) но предмету должна 20 коп. и 9 коп. на тетради Марасовой. Никого из знакомых не видела. Мама купил много

Дневничок

разных хороших книг (3 и 13 №№ серии "Рис. стар. наст.").

13 сентября, Пятница.

Первые 3 урока - рисунок. Борис Иванович <Горбунов Б.И.> заболел и рисунок вел некто Володой с усиками <Смирнов Ю.В.>. Рисовали нат. с самоваром. Сутки мама пока не шила. Мама купил еще несколько книг (хороших). Постоянно ссорится с С., уже надоел мне. Завтра родители работают. Мама в понедельник хочет зайти к О.А. и поговорить с ней (о потеряке пост). Ноги почти не болят. Поставили в дневник пятак.

14 сентября, суббота.

Вторник и тр. уроком был рисунок. Педагога не было. Почти весь второй урок был закрыт кабинет. Получила "5" по лит-ре ("Узник"). Дома мама пошла безде. Опять поссорилась с С. Мама отправила поздравление бабушке. С. сочиняет (-ил) стихи маме. Я уже сошила "Золотую осень".

Все. Закончилась неделя.

15 сентября, воскресенье.

Встали, когда пришел папа (11 часов). С. не услышал будильник. Мама очень сердится. Сделала уроки (не могла найти тет. по геометр., сделала на герневеке) приготовила обед, сделала эскизы к композиции "На тяжке". Сейчас буду пришивать ланжеты. Завтра встанет в 7-00 и пойдет с С. на улицу ден. зарядку. Завтра поеду с мамой (она хочет поговорить с О.А.). С мамой вроде помиримся.

16 сентября, понедельник.

Получила "5" в тетрадку по алгебре. Мама ходила сегодня в школу и О.А. сказала ей, что я "сообразительная девица". На композиции поставили "+" и нормальн. Сегодня готовилась к классному сочинению (писала про Черем). В среду в центр. доме худож. будут выдавать удостоверения и будет экскурсия по выставке. Мне задали подготовить ответ к вопросу о передвижниках. Сейчас буду учить "Полтавский бой". Мама нас сильно выругал за нашу небрежность (прав).

6 апреля 1986 г.

...На зимние каникулы ездили в Ленинград. Очень многое поправилось.

Подружилась с Ш.К.

<Щеглова Ксюша>. Очень хорошая девочка. Живет тоже на "Текстильщиках". 2 раза были в Эрмитаже, где и потеряла 16 р.

17 ноября 1986 г.

Решила ставить себе оценку за день. (17-19.11) За дни болезни оценку не ставлю.

* * *

Цвета мокрого паркета
Взгляд твой близок и далек.
Глубже дула пистолета,
Тоньше, чем любой намек.

Вправо, влево, влево, вправо
Твой стремительный зрачок.
Всем игрушка, всем забава,
Мне же лишь упрек, упрек...

Очень близко, слишком близко
Подползла на этот раз.
Из шампанского без риска
Вышел весь игривый газ.

И об проволоку границы,
Чуть касаясь, губы рву.
Алый шлейф императрицы
Паж сменил на тетиву.

Гордость попрана навеки,
Совесь чистая скулит.
И не знают человеки,
Что поет, а что мычит.

Черным, синим, даже красным
Мне проложены пути.
Мне в тебя смотреть опасно,
Но страшней к тебе идти.

И полосками ложатся
Наши взоры и слова.
Сколько раз мне признаваться,
Что я снова не права?

Сорок три недели сбоя
В механических часах.
Снова в мыслях я с тобою,
А по жизни на весах.

Завтра снова за забором
Мне искать любимых глаз,
Ждать лукавства этих взоров,
Двигать «puzzle» этих фраз.

Вновь ребром упала карта,
Снова не дала ответа.
Где невинность, прелесть марта
В цвете мокрого паркета...?

15.10.01

Александра Семенова

Великая иллюзия.

Я вдруг почувствовал – или решил, - что темное окно метро может дать мне ответ и помочь найти счастье именно здесь, под землей, где особенно остро ощущается жесточайшее разобщение людей, а время рассекается короткими перегонами, и его отрезки – вместе с каждой станцией – остаются позади, во тьме тоннеля.

Хулио Кортасар.

Вагонными колесами нервно и странно стучала жизненная правда. Фантастическими тварями прорастали в голове события и слова минувшего дня. Герои “Тихого Дона”, мучительно ищущие высшую истину путем расчленения и надругательств, процентное уменьшение возможности заболеть туберкулезом (что не может не радовать), некий друг, что вдруг уже не друг... “Все расхищено, предано, продано...” А усиленные, дотошные копания в отбросах и объедках не обнаружили за последнее время ни одного стихотворного ростка. “Осторожно, двери закрываются... следующая станция... станция “Ленинский проспект”. Слово “проспект” тревожит душу,

истосковавшуюся по всему масштабному и свободному. Народ покачнулся (по инерции, конечно, ведь нравственность их не покачнуть ничем!) Станция исчезла. Снова тоннель – глухая боль в спине заставила всем весом своей усталости навалиться на дверь, рекомендующую не прислоняться. Где-то промеж виска и затылка проползла мысль: “а что, если дверь все же откроется?”

Вдруг, будто под рукой массажиста-гуманиста, холодная боль в спине, холод в ногах уходит. На мгновение все тело, ставшее внезапно самолюбивым и хрупким, освобождается, погружается в виртуально-безвоздушное пространство. Ощущаю полет. Это странно, не так ли? Появляется боль, огонь и боль. Но она какая-то физическая, она везде, но мне не больно. Всё в огне и искрах. Краем глаза замечаю, как от соприкосновения двух проводков испепелился такой важный, а сейчас такой убогий мир трудового понедельника. Тело по-прежнему в огне, но душа, нервы – все, что обычно сводит с ума меня и мой кружок, – облегчилось и зависло, и оттого мне не больно, мне небывало смешно. Меня безапелляционно несет спиной вперед, а в глазах лишь искры – квадраты и ромбы. Как резиновое изделие, наполненное не городским воздухом, а полевым ветром, я на волне какого-то чудного восторга ловко совершаю тройное сальто. Возможно, читателю спокойный стиль моего изложения столь неординарных фактов может показаться подозрительным, но сегодня все это мне виделось нормальным, совсем нормальным, по сравнению с тем, что кишит вокруг меня постоянно и везде. Слишком искрило, пришлось закрыть глаза. Внезапно наступило упоенное удовлетворение. Меня швырнуло, сплонуло на какую-то поверхность. Я лежала, и никогда еще не бывало такого идеального, гармоничного слияния с земной (а может, и неземной) плоскостью. Уже ничто не болело и не тревожило. Земля была теплой, сухой и

нежной. Дул, шепча и напевая, какой-то очень уж одушевленный ветер. Всюду кругом, шаром вокруг меня хлопала, звенела, порхала и щебетала божественная музыка.

Глаза открылись. Все, все было облагорожено деликатным весенним солнцем. Это было не похотливое летнее светило, это было робкое и идеальное весеннее солнце. Я поднялась. Везде был мир. Это был особенный мир, наполненный до краев тем, без чего я-не я. Вот в развалку, с лукавой ухмылкой, торопливо проковылял мимо фавн в красном шарфе и с зонтиком. С артистичной бесцеремонностью путь ему пересекли Санчо Пансо и Дон Кихот. Они приветливо помахали мне руками, Санчо хихикнул на обескураженного козлоногого, и они скрылись за холмом. Фавн поспешно удалился. Шаги их стихли, водрузилась мелодичная весенняя тишина. Я не пожалела, решившись сделать первый шаг в этом мире, ведь картины и образы, моменты и ситуации менялись так быстро, так захватывающе. Я шла по Японскому мостику (совсем как у Моне), когда справа, из шикарной усадьбы, донеслись жизнерадостные возгласы. Я тут же перенеслась в знакомый дом Вердюрен (тех, что у Пруста), где, как обычно, дислоцировались все “сливки общества”. Здесь, по правде, были все: брейгелевские крестьяне и любители искусств Домье, самые феноменальные личности кино- и музыкальной индустрии, деятели искусств (например, Тьеполо и Дюрер, собственной персоной!), а так же хронопы, фамы и аксолотли, закузьянчики, колиедончики и снусмумрики, вечно о чем-то говорящий Заратустра, Винни-Пух и все, все, все...

Когда мой восторг чересчур меня переполнил, захотелось тишины. Она не заставила ждать себя. Появилась ночь, вода, горы и луна, настоящая, одухотворенная, та, от которой вспоминается Куинджи, а не Брейгель Старший.

Земли, берега не было. Пространство

между горами, водой и небом было мозаично выложено из белоснежных ирисов и лилий. Здесь был совсем другой мир, но не менее мой. Здесь тоже обитало бесчисленное множество героев, но все они безмолвны и общаются лишь взорами. Здесь, упоенный вечными муками синего шерстяного пуловера, бродит тот, кому некого винить, вслед ему идет Сатарса, всегда одна, как я, прекрасная в своей нечистоплотной крысиной натуре. Тут уныло скитается черный монах, и доктор Рагин, и грустный хмырь, у которого ножницы вместо рук. В этой ночи живет мое раздумие, моя тоска, мой сплин. Самое живое здесь это, конечно, цветы. Я вкушала их запах, понимала намеки их цвета. Внезапно я ощутила чужеродный аромат, резкий и странный. То не был ни запах гор, ни воды, ни крысы, то был свойственный казенным учреждениям запах мокрого паркета. Я обернулась. Ты стоял в печальном лунном свете, весь такой серебряный и гладкий. Сначала я даже не узнала тебя, ведь вокруг тебя не было обычного парада планет, но ты был ты, ведь никого иного не могло быть здесь. Я все еще стояла к тебе спиной, повернув лишь голову – это обычная привычка, чтобы не подставлять тебе остатки сердечной массы. Я так боялась полюбить и в этом мире, пыталась упираться, но с той секунды, как я угадала твой силуэт, и вода, и звезды, и время – все стало проистекать, двигаться в ритме твоего дыхания, в такт твоей походки, в линии твоего взгляда. Я решилась и подошла так близко, как возможно лишь здесь, в ночной сказке. Я не говорила, ты молчал, но где-то в небе, где-то между “гончими псами” родилось новое слово – мы. Больше не было стыда за мои слезы, ни в чем не было порока. Мы стояли на скале и смотрели в море. Там нелепыми годовальными головоастиками барахтались наши споры и обиды, драмы и трагедии. Теперь мы будто выше всего. Я коснулась тебя, ты был непривычно теплый и бархатный, но все же это был ты. Ты успел

запрыгнуть на мой уходящий поезд, угадал мой вагон и мою дверь, ту, что открылась. И теперь мы с тобой танцевали среди этих цветов модерна – среди лилий и ирисов. Теряясь и находя друг друга в любом цветке, в любом бутоне. Все внутри и вокруг меня сдержанно ликовало. Впервые я поверила, что любовь, эта самая востребованная человеческая иллюзия, существует и для меня. Любовью было изрисовано все: и белые лепестки, и черные горы. Каждый миллиметр воздуха, каждая капля в море были исписаны лучшими стихами. Черной птицей парила над всем самая торжественная тишина. Вдруг подул нездешний ветер. Не то пронесся табун зебр, не то просто какой-то дурак взмахнул своим полосатым знаменем. Больше я не видела твоих глаз.

Исковерканный судьбою голос сообщает название чужой станции, то ли это было “Коньково”, то ли “Теплый Стан”. Двери напротив разезают Пасть. Я бросаюсь в них, стою среди мрамора, неадекватно озираясь. Где? Где я? Где фавн? Где луна? Где музыка? Все осталось там, за той задней дверью, за стеной тоннеля, за границей действительности. Я поправила свой красный шарф и вошла в другой поезд, в другую сторону – сторону дома.

Но я полна уверенности, что смогу вернуться в мой мирочек, распростертый далеко в сторону прекрасного, великого и неизвестного, в сторону Свана, в сторону, где ты, где я настоящая. Скажите: “Галлоцинация! Сон!” Нет, я не пробовала легендарных грибочков. И не сон это, ведь сон разума порождает только чудовищ. Возможно, это просто был взгляд в маленькое карманное зеркало, глаза в глаза с самой собой. Я увидела мир в своих глазах. А они, говорят, зеркало души. И от столкновения двух зеркал, выстраиваются целые анфилады, лабиринты сознания. И никто не должен знать, куда они ведут. А я теперь знаю, они ведут к самым великим иллюзиям.

Артем Маливанов

Как я провел летние каникулы.

Получив свое за летнюю практику, я, первым делом, устремился на дачу. Собрал шмотки первой необходимости: бумагу, карандаши, краски и деньги, которые ничуть не понадобились. На дачу приехали вечером, усталые, но довольные, т.к. три часа стояли в пробке и дышали залетающими в окно выхлопами огромного КАМАЗа. После завтрака и, как правило, до обеда я ходил на этюды, а затем, изнуренный жарой и голодом до изнеможения, тусовался - строил шалаш. Возвращался весь липкий от периодически высыхающего пота, с распухшей от укусов комаров и слепней рожей и думал о еде. Дома меня ждал злой дед и остывший ужин. После непродолжительного отдыха начиналась вечерняя туса, где я почти до утра просиживал "драгоценное" время. Примерно так я провел первые три недели своих летних каникул. В то время, как на даче мне все осточертело, деду как раз приспичило сгонять на пару недель в деревню, в Тверскую область, и я был рад слиться с неторопливым деревенским народом. Дорога была изнурительной: выехали в пять утра, встали в рань собачью, у всех болела голова. Медленно сквозь туман мы ползли по Волоколамскому шоссе и думали, как было бы замечательно поскорее оказаться в "Заиловье", в нашей полуразвалившейся хижине с четырьмя комнатами, огромной русской печкой, верандой, погребом и кладовкой, стоящей на сорока сотках никому ненужной травы. Там я порядком не напрягался: всего 4-6 этюдинов в день, - и делай, что хочешь. Хочешь - на рыбалку,

хочешь - на охоту с дедовым ружьем, хочешь - гоняй по полям коз и телок. Пару-тройку раз ходили за грибами, надеялись найти белых, но нарвались на рыжих - набрали целый багажник лисичек и червивых сыроежек, в простонародье - дристушек. Лисички засолили. Всего собрали: грибы соленые - 11 литров, черника - 2 ведра, брусника - 3 ведра, подстрелил 1-го вальдшнепа ночью, но дробью, поэтому не промахнулся. Кроме того, поймали рыбу - 4 штуки. Однажды закинул старик (дед) невод, но вытащил только траву какую-то и одинокого, убитого током подлещика. А вообще-то жизни реальной в "Заиловье" никакой - какие-то "бизнесмены" обрезали в деревне все электрические провода и продали, а деньги пропили - т.е. ни света, ни холодильника. Не есть же одни грибы и ягоды, приходилось почти каждый день за 30 км ездить в город за жратвой, хорошо хоть дед вовремя подсуетился с газовым баллоном: Так как ничего особенного не происходило, то через две недели мы отправились в обратный путь. После чего без особых желаний я опять пару недель пожил на даче, и тут как с неба на голову свалились родители с известием, что валим в Грецию, дескать там все есть. Сначала я принял это за шутку, но обломился, и пришлось ехать с мамой, маминой школьной подругой и мелкой подружкой дочкой в Салоники. Долетели с горем пополам, раза три кружили над аэропортом, никак не могли попасть на посадочную полосу, наверное, заблудились. Наконец, приехали в отель, вроде все хорошо и номер, и балкон с видом на Эгейское море, но туалет... он потек, и стояла

страшная вонь. Мама пошла скандалить - удачно! Первая проблема была решена, и поначалу даже не к чему было придаться.

Море было изумительно чистое, я даже купил маску с трубкой, чтобы наблюдать потрясающей красоты подводный мир. Бильярд, большой теннис, настольный теннис, волейбол, мини-гольф, бассейн, водные виды спорта - это было круто. Со жратвой и какими-то идиотскими представлениями по вечерам еще можно было как-то мириться. Но доставали постоянные мочиповки с этой мелкой девкой. Она вообще не давала покоя: "пойдем туда!", "пойдем сюда", "в мячик, в бассейн...", смотреть, как она круто (в кавычках) плавает или делает что-нибудь такое, от чего у нормальных людей вообще мозги вытекают. Короче, пару дней я терпел, потом нервы мои не выдержали. Было море слез и крови. Она со мной не разговаривала, я был доволен и занимался делами, которые по душе.

Слепил на пляже из песка голую бабу, отдыхающие были рады, просили слепить рядом голого мужика, но как-то закололо. Ездили на экскурсию в Метеору, это огромная впадина, из которой когда-то ушла вода, и остались огромной высоты камни. На вершинах этих скал монахи построили свои монастыри. Понтово - дух захватывает. Посетили городок с причудливым названием Муданья, там затарились сувенирами для родных и близких и стали собираться в обратный путь. Летели не очень хорошо - турбулентность. Вылил на себя сок - сидел весь мокрый, желтый и липкий. В Москве, по сравнению с Грецией, был дубак. Наконец, прошли через все границы и паспортные контроли, выловили с конвейера чемоданы, избавились от этой мелкой надоедалы и после суетного дня оказались дома. Собрался в школу, лег спать, утром - проспал, чем был недоволен. Так все и началось.

Никита Тимофеевич Кривов

Трое

Сколько в ту пору нам было лет? Четырнадцать, шестнадцать или чуть больше – не все ли равно?.. Еще шла Великая Отечественная, а у нас – своя «война», свои заботы и трудности: мы «таранили» некий рубеж, переход от детства и юности к чему-то большому, манящему и одновременно пугающему нас состоянию. Мы – это Павел, мой новый и крайне интересный знакомый с челкой на лбу и темно-фиолетовыми разводами под большими удлинёнными глазами, Олег Зотов, краснощекий остро слов, Ивашев-Мусатов, решавший мгновенно все задачки по математике (Мусатик – математик!) и еще много других, столь же выдающихся юнцов из художественной школы (вероятно, единственной в это время на хорошем художественном уровне, куда ручейком стекались со всей страны юные дарования!)

Мы немного присмотрелись, притерлись друг к другу, и я теперь часто гостил у Павла в древнем и ветхом доме на Старой Масловке, где был особый, неповторимый мирок, непонятный для меня уклад жизни маленькой квартирке, загруженной до предела кухонными предметами и разбросанными всюду рисунками и книгами – толстые фолианты торчали

под подушками, теснились на полках и подоконниках, кокетливо выглядывали из-под тахты, на которой спал Павел – словом, везде, куда можно было поставить ногу или опереться рукой, громоздились книги и начатые работы Павла... Я запомнил названия некоторых книг: Мутер – «История искусства», Тарле – «Наполеон», томики Мережковского и Оскара Уайльда... Видимая бедность соседствовала с большим духовным богатством, и разительный контраст этот был главным содержанием, «наполнителем» этого дома, который помнил, вероятно, еще наполеоновское нашествие, и пыль истории лежала на всем... Здесь все было ветхим: и ступеньки скрипучей лестницы, и обитая клеенкой дверь в «утробу» дома, и полы с длинными трещинами...

Присмотрелся к близким Павлу людям – тут было еще более непонятно и загадочно, но вместе со странным укладом жизни семьи Павла и неправдоподобно ветхим домом загадка становилась прямо-таки грандиозной и притягивала к себе с непреодолимой силой – такого «магнита» я еще не встречал в своей жизни! А «солидные» знания моего

нового знакомого по истории искусства и литературе, его хлесткие и точные комментарии по трагическим моментам всемирной истории прямо-таки ошарашивали мой, еще детский мозг – и как все это отличалось от моих интересов и окружения!

Библиотека моего отца была очень большой и хорошо подобранной по разделам: за стеклами книжных полок, как старые и добрые знакомые, уютно устроились Гете с Эккерманом, Шекспир и Шиллер просто просились в руки, Сервантес и Вергилий подмигивали мне своими красочными корешками, но... я «рылся» в других разделах, а фолиантов по истории просто боялся касаться – мне казалось, что «очередь» до них еще не дошла, – так бывает, когда много всего, но нет системы, нет четкого плана чтения!..

Совсем иное я увидел в квартирке Павла, где не блестили стекла высоких книжных шкафов, а книги – нужные и серьезные – просто лежали на столах и стульях, – подходи и бери их в руки, впитывай в себя их неисчерпаемое богатство!

Как же отличался тогда «мой мирок» от духовного мира Павла – отнюдь не ветхого и уже не детского и – главное, крайне интересного для меня!

... Сегодня разговор (точнее, отчаянный спор!) затянулся далеко за полночь: нас трое – хозяин квартиры Павел, его друг Гелий, сумрачный, сутулый человек без возраста с выдающейся всегда небритой челюстью (видимо, технарь) и я, долговязый юнец в отцовском галифе времен гражданской войны и потертой курточке с короткими – не по возрасту – рукавами. Говорили каждый о своем, с «пылом и жаром», доказывая «свою» истину.

А память вновь возвращает меня ко дням моих первых «визитов» к Павлу – там я и встретил впервые Гелия и был, прямо сказать, более чем удивлен – шокирован что ли, или, вернее, оглушен их видимым полным несоответствием друг другу!.. Я пытался узнать побольше о новом для меня госте Павла, но хозяин дома упорно молчал, глядя на меня странным взглядом полуприкрытых темными веками удлинённых глаз – челка его закрывала весь лоб и едва двигалась в такт бровям.

... Помню, как после контрольной по алгебре, когда я благополучно почти все списал у Павла (он подбросил на мою парту смятую бумажку) а тот, в свою очередь, также «использовал» подброшенную Мусатиком шпаргалку, мы шли вдвоем по заснеженной Москве, любуясь старым Арбатом и Молчановкой, ныне исчезнув-шей...

- А все же, Павел, - начал я, - он какой-то странный, твой Гелий!

- А, что? – дернув головой и не глядя на меня, мой «благодетель» по математике замедлил шаг.

- Ты, вижу, заметил кое-что... ну так вот: Гелька – нужный человек, и притом знающий и всегда готовый прийти на помощь, заметь: бескорыстно!

- Но вы такие разные, что... к тому же он явный технарш!

- Много ты понимаешь, - грубовато отрезал Павел. Мы учились вместе еще до художественной школы, понял?!

Каждый день виделись, обмениваясь книгами и... и прочим - он всегда помогал нам, особенно бабушке! Есть-то было нечего, сам знаешь.

Да, я хорошо знал то голодное время, война и меня приучила ценить самое малое, самое сокровенное в нужде.

- Гелий! - протянул вдруг Павел, быстро скользнув по мне взглядом, - Если бы не он... не знаю, но когда он появлялся с парой сухих котлет, нам всем было легче! Ценить надо такое - дубина! - Он вдруг прибавил шаг, и его прыгающая походка уже мелькала где-то впереди... Вскоре я потерял Павла в толпе.

И вот я снова в знакомой до последнего угла квартирке. Постепенно, приобвык к новому для меня укладу их быта, привычек и разговоров. И сегодня в комнатке Павла нас, как всегда, трое. Разговор (или отчаянный спор!) не затухал ни на минуту: иногда, наскაკивая друг

на друга как разъяренные носороги и крича до хрипоты, мы пытались громкими голосами восполнить пробелы в

знании точных фактов... Мы - то есть я и Гелий, но не Павел. Он в такие отчаянные моменты бросался на короткую кушетку и натягивал на голову выдавший виды клетчатый плед; спор шел обо всем - и ни о чем! Например: нужна ли была гильотина для решения глобальных задач Великой Французской революции, и решила ли она хотя бы возложенную на нее конкретную «миссию» - отсечь в обществе (как головы!) вредные идеи?.. Гелий, ярый максималист, кричал хриплым басом мне в ухо, «что да, нужна была такая машина, чтобы все члены разных партий знали свое место и не лезли вперед «батьки» - то есть Робеспьера! Павел глухо из-под пледа и внешне спокойно цедил за меня:

- Н е т , Гелий, кровь порождает кровь и не решает ни о д н о й п р о б л е м ы ...

Высунув кончик носа из-под пледа, продолжал нарочито гнусаво:

- Такие «операции» над тысячами людей совсем не то, что «обрезание» головы на одном члене общества (с особенным ударением Павел произносил слово «член»)

Наша «троица» безумно хохотала, запуская в оппонента все, что попадало под руку: шарфы, какие-то измазанные краской тряпки, шлепанцы, корзинку с грязным бельем и пр. Сверх всего летела в голову Павла подушка из-под его ног, и он, наконец откинув плед, отвечал тем же!

Долго еще носился по комнатке

пух, почему-то упорно не опускаясь на пол.

Неожиданно в двери (вернее, в том месте, где должна быть дверь в смежную, бабушкину комнату), приоткрылась занавеска, и из-за старого, изношенного куска ковра возникло лицо, которое я никогда не забуду: прозрачно-серое, с каким-то желтовато-лимонным оттенком кожи, и на меня взглянули огромные измученные круглые глаза, словно живущие отдельно от всего лица; нижняя часть головы со спутанными прядями бесцветных волос, там, где подбородок переходил в шею, странно двигалась, словно что-то непрерывно жуя; казалось, время остановилось, и мы с Гелием обалдело смотрели в темный провал с перекошенной занавеской, где стояло живое изваяние из «другого мира»... Я никогда раньше не видел здесь этой странно изломанной, явно больной женщины, хотя всегда чувствовал, что в квартире кроме бабушки и Павла есть еще кто-то!..

Павел тотчас же вскочил и, дрожа, стал осторожно выпроваживать за занавеску бледное видение – ему с той стороны помогала большая старческая рука: слышались приглушенные голоса, тихие вскрики... У меня мороз ходил за воротником курточки, но я расслышал все же довольно отчетливо слова: «Нина, не надо... иди и ложись спать, ну же, Нина...»

Что-то булькнуло в ответ, словно вылилась вода из стакана... затем все исчезло, только темный провал словно хранил некоторое время очертания женской фигуры. Я долго потом не знал, кто это был или что это было – видение мелькнуло и исчезло! На мои вопросы Павел не отвечал или говорил уклончиво, отводя глаза, еще более запутывая правду.

Наш вечер и ночь были скомканы болью, непониманием, и спор наш сам собой угасал, хотя Гелий по-прежнему не соглашался – его массивная челюсть ни разу не кивнула в знак согласия и «мира»... Но все в жизни быстро проходит, а Гелий к тому же успел щегольнуть профессорскими выражениями...

... Предутренняя усталость все же взяла свое, и Павел, устроившись на своем коротком ложе, казалось, задремывал, хотя руки его любовно прижимали к груди большой потертый фолиант... Мне удалось прочесть заглавие: «Нашествие Наполеона на Россию». Закрыв глаза и натянув плед до подбородка, он, казалось, не слушал больше Гелия и мои замечания по ходу спора, на прямые вопросы: «Кто же из нас прав?» из-под пледа вяло доносилось: «Ты прав... и ты тоже прав!» Затем его голова пряталась в подушке, и раздавался явно нарочитый храп,

ясно давая понять, что мы все – я и Гелий – вовсе не правы!

За стенкой заворочалась Ольга Николаевна – бабушка Павла.

Мгновенно сбросив плед, Павел просунул голову за занавеску: «Ты что, душенька? Может, чаю с лимоном попьешь?.. Я мигом организую!.. В ответ раздалось знакомое горловое: «Кхо, кхо, кхо... спите, спите, уже утро»... Голос ее звучал спокойно.

Мы знали, что внук в ней души не чаял, но проявление такой теплоты я видел впервые! У меня сжалось сердце – ничего подобного в моей семье никогда не было, это все – из другого мира! Кажется, я тогда впервые понял, что такое духовное родство, как греет оно душу и дает силу для жизни!

... Но Гелий продолжал ворчать, как медведь, попавший в западню. В это утро что-то жгучее и тягостно-тяжелое словно повисло в маленькой комнате Павла, как будто перекрыли путь воздуху, и вот-вот последует удар...

«Только искусство, Прекрасное делает человека Человеком, – приподняв голову, неожиданно четко раздельно произнес Павел. – Не любованье издали, а жизнь в Прекрасном», – он с ударением произнес последнее слово. Гелий сейчас же возразил, ссылаясь на Чехова, какого-то знаменитого академика, никогда не ходившего в музеи.

Павел, откинув плед,

сощуренными, удлинненными глазами смотрел в запотевшее окно, откуда пробивался солнечный лучик, играя весенними огоньками на стене. За окном угадывался словно обновленный силуэт старой Масловки... «Нет, Гелий, ты посмотри – красота-то какая! – словно пропел Павел. Не только любить Прекрасное, но жить в нем, дышать им как воздухом,» – продолжал тихо и серьезно Павел, и, после паузы, добавил: «Только так можно назвать себя Человеком, все же остальное – бездушное нечистое тело, подделка под человека!»

Перестав ходить по комнатке, Гелий сипло процедил: «Ты... что же, считаешь что все остальные не люди?! Два глаза как две щели впились в Павла, в голосе Гелия звучала угроза. «Значит ты, – тяжелая челюсть нависла над головой Павла, – считаешь себя выше людей... выше меня? А ведь я тоже люблю историю, слежу за политикой...»

Я вдруг с ужасом заметил, что Гелий словно вырос на метр, его серое небритое лицо исказилось и потемнело до отечности.

... «Почему ты... – Гелий придвинулся к голове Павла вплотную, – считаешь себя выше меня? Только потому, что малюешь картинку, которым пока еще грош цена и читаешь с вечера до утра?!»

Я больше узнавал Гелия, хотя видел его несколько раз. Что-то тупое, жестоко-звериное и

одновременно обиженно-детское проступило в чертах его лица, отнюдь не отличавшегося красотой. «Я ничуть не хуже тебя, если говорить по совести», - неожиданно взвизгнул Гелий. (Куда девался его басок?) «Ничуть... понял?! По всем статьям!...»

Павла словно взорвало – он выкатился с лежанки, и, подслеповато ища тапочки, резко сказал: «Нет хуже!.. хуже и ниже по всем статьям, болван! Во-первых, ты и рисовать не умеешь, потому, что не чувствуешь красоту, как я... Во-вторых, я книг прочел втрое больше тебя!.. Но и это еще не все!..» – Гелий, сипя и заикаясь, пытался что-то сказать, но голос его сел.

Уже спокойнее, Павел сказал: «А про талант ты, видно, забыл – бездарь?! Думаешь, это все так, само собой – раз-два и готово? – Он выхватил из-за лежанки пачку набросков по теме французской революции. – Это от Бога, болван, и плюс сотни бессонных ночей, чтобы сделать все это!! И кроме того... кроме того... - Павел задыхался, темные круги под глазами опустились до ноздрей. – Я талантливее тебя во всем, слышишь – во всем!»

Мне было невыносимо тяжело слушать и смотреть на эту сцену из «трагикомедии классика», обидно и стыдно было за обоих друзей – ведь, насколько я знал тогда, Павел

прислушивался к замечаниям Гелия. Его практичная сметка часто выручала моего нового школьного товарища из трудных жизненных положений, а тут... Трудно говорить о себе такое, да еще другу, каким считался в глазах всех знавших эту пару Гелий.

Да трудно высказать такое, даже если эти слова-бичи чистая правда, ведь друзья достойны снисхождения...

Я ошеломленно смотрел то на Павла, то на Гелия... Кто же прав из них?! Сомнений больше не было: я был целиком на стороне Павла! На Гелия страшно взглянуть: чугунная челюсть его словно отвалилась от помертвевшего лица, пальцы сильных рук побагровели, непрерывно сжимаясь и разжимаясь... Казалось – еще секунда и огромные кулаки обрушатся на голову «друга»...

Тревожно-заботливый голос бабушки за перегородкой и ее знакомое «кхо, кхо...» разрядили обстановку.

Гелий, словно не видя ничего перед собой, стремительно шел к выходной двери, задевая и опрокидывая стулья... Хлопнула дверь, и тяжелые шаги по наружной лестнице болью отдались в моих ушах.

Но прошло время, и мы трое, снова встречали рассвет в маленькой комнатухе Павла.

Многие талантливые люди оригинальны в чувствах, мыслях, поступках. Работы Клары Филипповны Валериной своеобразны, как и она сама.

Но её многочисленным работам можно позавидовать. Чужо жизнь этой маленькой женщины очень яркая, интересная и богатая. Мне очень понравились работы Клары Филипповны, в них чувствуется её активность, любовь к своим работам, к тем людям и людям, которых она писала. Вся выставка произвела на меня действительно яркое, живое впечатление.

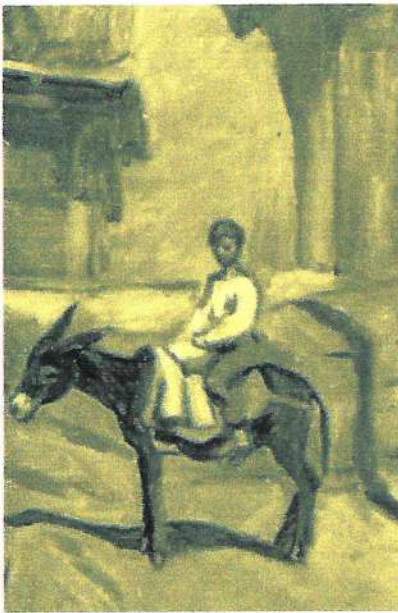
Голомидова Ксения

Собираясь посетить выставку работ Клары Филипповны, я ожидала увидеть что-то абсолютно неинтересное и однообразное, но вскоре после просмотра первых работ я поняла, что глубоко заблуждалась, делая поспешные выводы.

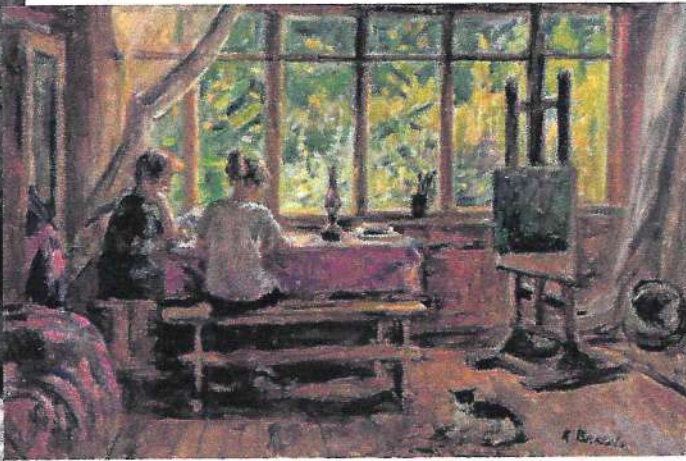
Клара Филипповна в своём творчестве хочет показать всё разнообразие и захватывающую простоту натуры, в которой она черпает своё вдохновение. Из этой маленькой экскурсии я поняла, что Клара Филипповна - очень эмоциональный и трудолюбивый человек. Она ищет сюжеты для своей живописи, посещая множество стран и городов. Художница реализует своё, казалось бы, научное восприятие мира в своих работах, прекрасно передавая дух того времени, в котором она жила и работала. В работах прослеживается её развитие как художника и человека.

После посещения выставки я поняла, что творчество Клары Филипповны не только отображает её жизнь, но и вовлекает зрителя в чудесный мир красок.

Земскова Полина

Персональная выставка на Беговой, 1981 г. Слева - Игорь Попов.

Власова
Клара Филипповна

Родилась в Москве в 1925г. С 10 лет стала заниматься в детской изостудии, а затем поступила в Московскую среднюю художественную школу юных дарований. Школьными учителями были Хайкин П.С., Барц А.О., Шорчев А.П., Добросердов М.В., Почиталов В.В., Кошевой П. Т. Во время войны – Шегаль Г.М.

Во время войны была в эвакуации в Башкирии вместе со школой. В 1943 году вернулась, а в 1944 году поступила в МГХИ имени Сурикова. Окончила институт в 1950 году по мастерской профессора С.В. Герасимова.

С 1952 года регулярно участвует в Московских, Республиканских, Зональных, Всесоюзных и зарубежных выставках.

Работает в области жанровой картины, пейзажа, натюрморта и портрета. Выезжала для работы во Францию и в Японию.

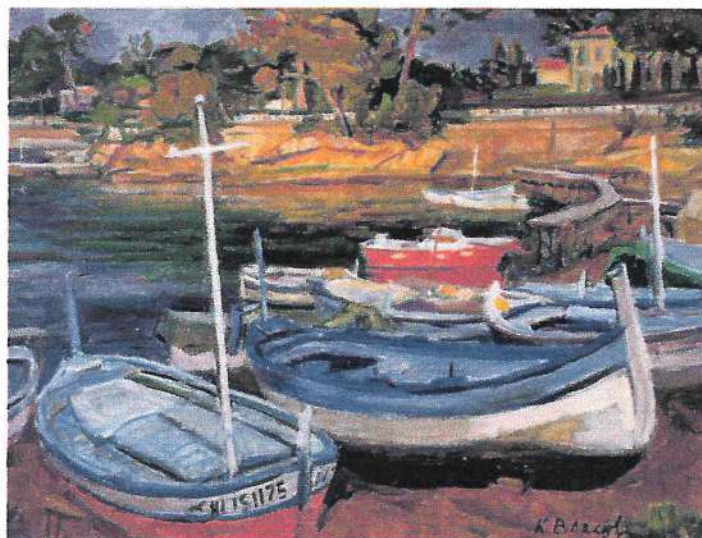
В 1980-1981 годах прошли персональные выставки по городам России: в Москве, Ленинграде, Сочи и Махачкале.

На юге Франции

С.Е.П. Малиновской и ее дочерью Натальей.
(Далее мы публикуем дневник Е.П. Малиновской о годах эвакуации МСХИ в село Воскресенское.)

Художник - не профессия, а состояние.

Михаил Яковлевич Митряшкин Дневник ленинградской практики 1967г.

Приехали в 6.32.

Долго искали груз. такси. Сели в обычные. Приехали, но не знали, как подъехать к дому. Поэтому объехали Академию со всех сторон. Как обычно бывает, никого в интернате не было, кроме огромного количества приехавших до нас ещё гостей из Каунаса и других городов. Собственных учеников в интернате было т а к ж е предостаточно. Вот только что узнали все мы, и крайне этому обрадовались, что з а в е д у ю щ и й интернатом ждёт ещё 15 человек. Вот они-то и будут здесь главными, так как будут сдавать экзамены.

Все спят попоном. Не хватило матрасов - пришлось довольствоваться мелкой стружкой. Сразу после того, как мы не устроились, все решили пойти гулять. Договорились пойти, кто куда хочет. Завгородний и я с младшими ребятами пошел в Эрмитаж. Я надеялся, что хоть здесь приду в себя после бессонной ночи, но чудес не бывает. Голова была свинцом налита. С удовольствием, ни с чем не сравнимым счастьем, в Эрмитаже, в итальянских залах я опустился в глубокие, мягкие, удобные и тёплые кресла. С наслаждением посидели здесь, благо, народу в этих залах было мало.

Поздоровавшись с музеями, мы решили пойти к директору ЛСХШ и добиться хоть каких-то благ. Нам было только обещано /в результате 3-х часовой

беседы-сидения/ 10 матрасов и ещё два места в гостинице ЛОСХ'а.

Повёл нас в гостиницу пожарник Академии Художеств, т.к. он всё умеет и всё знает. Нам он показался то ли пьяным, то ли придурковатым. Оказалось, ни то, ни другое.

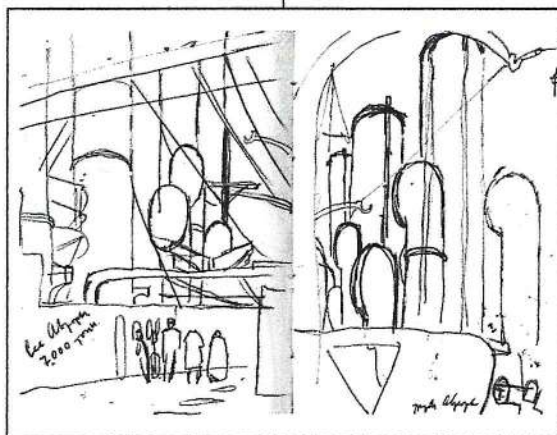
Он был просто очень суетлив и обязателен, да к тому же и очень торопился вернуться к себе в подвал-пожарку, где теперь уже в самом деле ждала его выпивка в обществе другого пожарника, согласившегося вместо него в его отсутствие подежурить.

Как всегда в этих случаях, и тот, кто посылал, и те, к кому посылали, не понимал, что больше всего мы хотим место в гостинице и где-то в определённом месте, а не вообще в гостинице. Адрес дали не совсем точный - вместо ул. Набережной Мойки, 83 нам дали адрес ул. Герцена, 16, но мы

как-то догадались, где именно гостиница. И спали в конце концов хорошо. Матрасы для ребят были, наконец, под расписку получены и благополучно возложены на пол, т.к. других приспособлений не было, точнее, были 8 кроватей на 19 человек.

Решили на завтра дать всем выспаться и наметили пункты для начала работы. Начнём с "Авроры" и Смольного. [...] Утром пошли пешком с Мойки до Академии по набережной, и что ни дом, то колоннада, то чудо, то радость. Вышли к Академии уже подготовленные увиденным. Ребята выспались и даже переспали, опухли ото сна. [...]

На практику вышли в 10 утра и поехали на "Аврору", где договорились о рисовании на палубе. Сам крейсер

впечатляет, хоть и думалось раньше, что крейсера вообще как гигантская гора. Весит эта гора железа и стали 7.000 тонн. Особенно поразили меня его трубы вблизи и с набережной. Нужно ещё раз вернуться и порисовать, вернее, прочувствовать. Ребята третьего класса очень активны, а вот старшие квёлые, всё больше думают о белых ночах да о пиве. Обедали они с пивом. Пусть. В школе они делают то же, в бане, после уроков. Все об этом знают, и ничего.

Перешли Кировский ремонтирующийся мост. Безумно красиво. Красиво всё: вода, небо невысокое, но свободное, свободное от высоких домов, башен и других, не нужных глазу художника штуковин.

Хотели ехать к Смольному по воде, но трамвайчики будут ходить туда только с 8-го числа.

Вокруг Смольного почти не рисовали. Не очень их это место вдохновило. Острили по поводу “церквушек”, что это, мол, лучше, а “вот Смольный очень нов” и т.п. чепуха. Обедали рядом. Было сносно, но не без приключений. Всему 5 кл. показалось ждать долго. Я им посоветовал найти другую столовую. На что они и попались. Пошли искать, и в тот момент, когда мы уходили, те вернулись не солоно хлебавши, злые, но уже и не гордые. Пришлось съесть всю горечь пижонства и торопливости. После обеда эта пятёрка из квёлых превратилась просто в трупы. Они уже ничего не соображали. В конце дня я их выругал, т.к. у них не было ничего. Возвращались очень дружно. Мы с В.И. вышли на Невский у Аничкова моста. [...]

Как всегда, намеченное никогда не воплощается, так и сегодня с утра. Дождь, дождь, везде сыро и вместо порта пошли в Русский музей. Мне показалось,

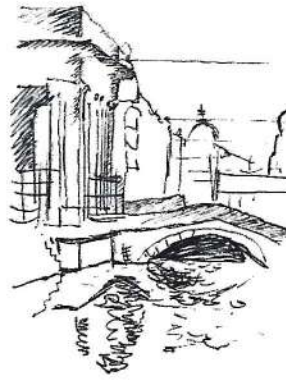
что это ребят очень настроило на рабочий лад. Много ходили, смотрели. Уже не очень хочется делать копию в Эрмитаже, лучше написать жилой город, а ещё лучше - рисовать, как рисуется. Невольно обаяние мирискусников передаётся на сюжеты, на весь город. Они очень тонко всю здешнюю красоту почувствовали, Москву ещё никто не делал с такой любовью, вниманием и вкусом. Да это и понятно. Ведь один такой царственный у нас город был - столица. По музеям тоже очень хорошо и интересно определять значение города.

Само здание Русского музея сразу настраивает как-то особенно.

Вокруг Третьяковки молва, легенды, сказки, ажиотаж, и к тому же не совсем здоровый. Вот, мол, “одна жемчужина”. Русский музей не ниже, если не выше, а уж про здание и говорить нечего, там самодеятельность, здесь - искусство, знание,

великолепие во всём. Подход, площадь, решётка - всё это сразу тобой завладевает и заставляет думать и чувствовать на особый, торжественный лад, свойственный только ладу искусства, где царствует гармония.

Узнал старый адрес Ореста Бетехтина. [...] Сведения оказались двухгодичной давности. Он переехал из маленькой 54-х метровой мастерской в большую - 78-метровую + квартира здесь же. Это бывшая мастерская Дмитриева-Оренбургского, а последний её хозяин был некто Казанцев - ленингр. художник, сильно загадивший и мастерскую и квартиру при ней. Орест с новой женой всё это привели в порядок. Главное у них - это мастерская, а потом - кровать в спальне 220x285 размером, какая-то старая, немецкая, с чудными пружинами - обиталище Амура и Гипноса. Не кровать, а гимн сладострастию.

В общем, в “колыбели революции” идеал жизни определён самой планировкой города - строгий, суховатый, несколько высокомерный, скорее выжидательный, чем активный. Видимо, гостеприимность москвичей имеет глубокие национальные корни, а этот город скорее европейский, чем русский.

Тем не менее, по телефону от Ореста позвонивши, мы поехали к себе, в “гостиницу”, куда можно приходиться только до 11.30, т.к. позже закрывают все выходы. Итак, в 1.00 мы стучали и звонили, не стесняясь. Добившись своего /мир не без добрых людей/, мы ещё вели “задушевную беседу” до 2.30.

Небо совершенно очистилось, и белая ночь /точнее, светло-серо-голубая/ была в полном блеске. Утро было солнечное, бодрое, зябкое, с ветром от моря.

Пощипали “цветы жизни” за праздность и безделье. Думают, что приехали писать этюды на состояние и церквушки.

Позавтракавши поздно и зашедши к директору ЛСХИ за отношениями в торг. порт, поехали туда. Все знают на весь мир известное “окно в Европу”, но никто не знает, как проехать туда на трамвае, автобусе или даже дойти пешком, хоть краны сразу же за домами, очень близко.

В общем, с трудом пополам всё устроилось, в самом порту устроилось за несколько минут с соответствующими предупреждениями и оговорками, вроде того, что уже всё перерисовано, что там тесно, опасно, и, как последний довод нежелательности, что там иностранцы. Что за всё мы отвечаем, даже за то, о чём никто и не догадывается. Как оказалось тут же, мы не догадывались, что в порту

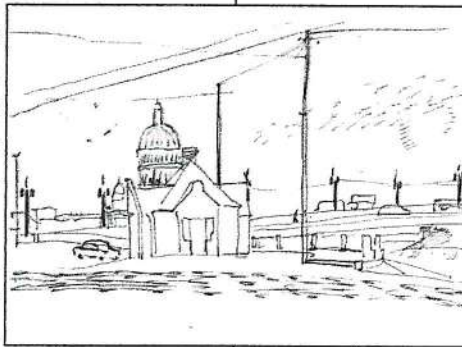
судостроительный завод и т.п., и что это вот и не следует рисовать, что, оказывается, его /завод/ уже до нас кто-то пронумеровал и подшил к делу “секретно”.

Мы заверили Зама, что всё будет совершенно секретно и, довольные разрешением, скорей покинули этот “таинственный остров”. И вовремя, т.к. дождь как раз кончился, и вот-вот мог случиться другой. Мы в промежутке проскочили в трамвай и, уже не наводя справок, очень скоро миновали и

площадь Репина, и район Новой Голландии. Через двадцать минут были уже у Академии.

Воспользовавшись солнцем, т.к. дождь уже вновь кончился, скорее пошли в Кунсткамеру посмотреть на петровские диковины, но там, как всегда,

закрыто, ибо сказано: “Не спешите”, подожди до воскресенья или до среды. Не солоно хлебавши, решили возместить потерю и пошли в музей-квартиру Бродского, где полностью были отмыты: добрейшая заведующая сообщила, что графику она нам покажет сама, т.к. дежурного в этих залах у нее нет. Графику мы смотрели втроем. За это время музей посетил ещё один человек. Собрание очень нам понравилось, особенно графика. Его работы, главным образом пейзажи, тоже. Но внутренняя лестница и мастерская нас просто привели в восторг. Умел делать дела, умел считать деньги, умел ладить с людьми, умел взяться за дело. Собрал чудесных художников, особенно Кустодиева и Серова, Сомова и Левитана. Дивные рисунки Репина и Малявина. Гуаши Бенуа и сангины А.Яковлева. В общем, нужно перечислять почти всё собрание. Необходимо сходить ещё и ещё раз. После этого музея смотреть в “Боевом

карандаше” детский лепет ленинградских карикатуристов с дрянными стишками на “животрепещущие” темы просто сил нет. А болтовня их руководителя Астахова - просто невыносимое шамканье не владеющего речью резинового человечка. Я ушёл, не дождавшись окончания худсовета редакции. От дальнейших общений с “карандашами” воздержусь. Это совершенно неинтересно и, главное, самодеятельность какая-то. Правда, я мало видел, но ведь тенденцию-то сразу видно.

Вечер прошёл побывательски: пошли посмотреть, что делается на Невском. “Прошвырнулись”. На своём опыте убедились, что во второй столице не всё благополучно. Завгороднему никак не удаётся купить сигарет, к которым он привык, и еще то, что ленинградские власти так спрятали уборные, что приходится прилагать немало усилий, чтобы разгадать этот ребус. Однако, мы приспособились. Заходили в первую попавшуюся столовую или кафе и “отводили душу”. И, как часто бывает в другом городе, всегда встретишь кого-то, кого в Москве-то /дома/ никогда не увидишь. Только-только “отвели душу”, как увидели... Колю Ульева, уезжающего из очередной командировки. Обещал быть через неделю вновь. Вот интересно-то. Он был не один, с товарищем. Невский нас порадовал размеренным, тихим, и очень малым количеством гуляющих, хоть “прошвыривающиеся” и были, но мало. Смелых девиц совсем не было, правда, мы могли и не знать “плешки”. Много, очень много студентов.

Перед выходом звонил Вальцефер, оказалось, Ксения звонила вчера, и мне

не передали. Очень жаль. Я бы перестроил весь вечер. Видимо, сегодня поеду к ним. Они сегодня идут в цирк, приглашают быть у них.

Был у Вальцеферов, но всё по порядку. В порту были целый день. Ребята - просто прелесть. Собранны, сдержанны. Рисовали много, но очень скоро “сдали”, особенно малыши. Давно, очень давно был в порту. Всё перезабыл. Можно считать, что в порту я был в первый раз. Интересно, как всё меняется,

/главное, представления, сложившиеся не по первоисточникам, а по тем дурацким, увиденным и услышанным сведениям, уже сильно опрощённым и, следовательно, для меня совершенно неприглядным за

неточностью и недостоверностью сведений/.

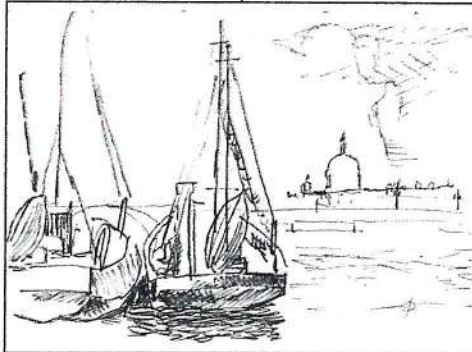
Поразили меня чистота, аккуратность, собранность, логичность, ясность. Нет того фальшивого романтизма, который везде выдаётся за прочувствованность и взволнованность.

Лучше увидеть всё своими глазами, но чтобы сделать, нужно отдать всего себя, особенно в наше время, т.к. туризм в искусстве - это ярчайшее проявление мещанства-верхоглядства. Мне представляется, что все “эти” сногшибательные рисунки, привезённые из путешествий, а особенно архитектурные, подробно сделаны уже в мастерской с фотоплёнок, есть в них мертвость, механичность. Невозможно рисовать так чисто и аккуратно с природы архитектуру, да ещё классическую, как это видно на рисунках всех “туристов”. Рисунки /офорты/ Кравченко тому свидетельство. Бренгвин - всю силу таланта отдал подобным темам, но у него видно, что всё это он рисовал с природы или по памяти. Нет фотографичности. А

ещё, может быть, у современных художников изменилась точка зрения, не только на мотив, но и на средства.

Туризм - злейший враг в искусстве /Рерих где-то тут сыграл свою роль/. Да ещё и желание ошеломить увиденным. Здесь уже не до совершенства. Вальцефер несколько задержался, поэтому пришлось везде торопиться. Билеты у него оказались просроченными: крупный разговор с цирковым начальством ни к чему не привёл, пришлось купить новые билеты, благо подвернулись. Ксения очень расстроилась. Сидели врозь. Программа была большая, но не увлекала. Гвоздём были лошади, но всё было испорчено тем, что в самом последнем номере две лошади столкнулись, и обе красавицы погибли. Одна сломала обе передние ноги, а другая одну. Выходя, узнали, что их "послали на колбасу". Идиотизм!

Какая красота погибла, просто сердце болит. Невозможно поверить, но сам видел, и это-то ужасно. Я отказался от прогулки с Вальцеферами и, подавленный, хожу до сих пор. Даже в Русском музее и в музее Бродского не мог отделаться от тягости и тревоги. Несколько отошёл только после встречи у икон с Адольфом Николаевичем Овчинниковым - реставратором, любителем и знатоком икон, а особенно икон XII вв. Посмотрели вместе Левицкого и полностью сошлись во мнении. Прошли вместе через Эрмитаж до Академии, куда я шёл смотреть работы ребят, а он к студенту-болгарину кое-что показать. Кстати, приютили его в общежитии Академии, приехал по делам классификации икон из собрания Казанского музея. Говорит, что много XVII - XVIII вв., и что мы толком не знаем это время. Обещал посмотреть

наши "Николу" и С. Ричи. Договорились на осень. Просил бывать у него. Необходимо его написать. Говорил об одержимости, без которой ничего не сделаешь, и об определённых границах в изучаемом вопросе - чтобы что-то узнать, сделать, лучше углубиться, чем расплзаться вширь. Незаметно дошли до Академии. Ребята не очень порадовали. Возвращаясь, почувствовал, как окрепли ноги. Много, очень много хожу. Завгородний смотрел футбол и наслаждался одиночеством, выпив изрядную толику. Плохо владел языком. Будем жить вместе до 15-16 июля. Видимо, потом переедет в Академию.

Надеюсь, Леночка займёт его место, хоть и несколько дороговато, без определённых удобств, нет гор. воды, определённое время возврата в гостиницу. Поживем, увидим.

Весь день льёт дождь. Сыро ужасно.

Становится холодно. Принесу завтра чемоданы. Не знаю, как поступить с портом. Очень интересно и очень сыро. Неужели придётся сидеть на месте. Дождь, дождь. На многих он уже начинает действовать. Девочки несколько киснут. Что делать завтра?

Видел выставку Тырсы. Очень хороший художник, прекрасно владеющий гр. формой. Пластик. Эстет. Но чего-то нет. Не могу сказать, но какой-то гранью он мне не нравится. Может быть, нехорошо сделана экспозиция, не помню. Не нравятся его иллюстрации.

Звонил вечером Н.Карповой. Она ушла с Г.Г.

Больше звонить не буду до приезда Леночки. Если бы хотела увидеть Русский музей и походить по нему с художником, пришла бы. Видимо, её пластические искусства не волнуют. К

Вальцеферам тащиться не хочется, да и некоторая усталость + дождь.

В понедельник ходили в порт - дождь всему помешал. Посидели часа два среди грузчиков. Очень интересно, с точки зрения пластики. Остальное как-то меня не трогает.

Вечером погрелись немного. Прочитал "Созвездие Козерога" Ф.Искандера. Понравилась вся вещь, особенно лирические отступления. Спали плохо - поздно читал, да и душно что-то было.

Утром отпустили ребят на самостоятельную практику. Двое заболели. У одного 39°C. Ходили смотреть парусник и конец набережной.

Поехал в Эрмитаж, смотреть специально ничего не хочется. Просто побродить очень захотелось по всем помещениям. Всегда в Эрмитаже /да и вообще в хорошем музее/ какое-то особое состояние. Не торжественности, не великолепия, а просто - растворения. Хоть и очень много людей. Особенно удивляет запах специфический музейный, несколько тяжеловатый и сладковато-приторный. Кто-то сказал, что в музее "одни трупы". Вот уж неверно. Мне кажется, нужно быть совершенным пижоном или сумасшедшим.

Вечером узнал, что у больного Битмана оказалась "краснуха". Что-то заразное, как сказал врач. 3-4 дня, к сожалению, у него пропадёт. Зверев почти здоров. Многие набросились на громаду "Исаакия" и Марсово поле с Летним садом. Естественно. Заводы есть и в Москве.

Обошёл сегодня весь Эрмитаж и Зимний. Прошёл по всем закоулкам и переходам. Очень медленно. На это ушло ровно 6 часов. Ничего подробно не смотрел, хотелось увидеть всё. Очень понравилась выставка современных

шедевров живописи Японии. Впервые узнал так много японцев. В высшей степени интересно и как искусство, и как нация. Нужно почитать, посмотреть.

Выставка чехов совершенно не понравилась - задворки "европейцев". Много самодеятельности, просто пижонства; холодно, рассудочно.

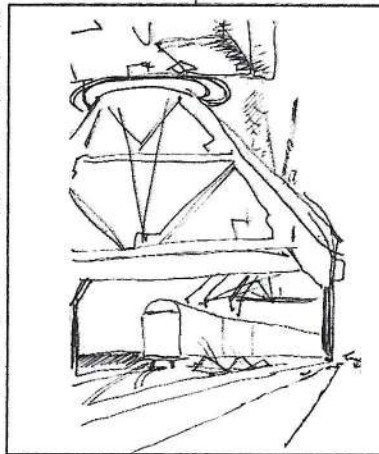
Внизу прошёл все залы, посвящённые древнему русскому быту и других народов. Очень интересными показались мне сарматские, боспорские и среднеазиатские экспозиции. Раскопки курганов на Алтае и на юге. В общем, всё это страшно интересно. Жаль, мало времени.

Вечером прошли по всей Мойке и большей части канала Грибоедова. Интересно, красиво, но жить здесь не хочу. Вонь, грязь, сумрак, тяжесть. Дома мрачные, дворы - колодцы. Хоть и много красивых домов, дворцов, мостов. Нрав горожан тоже не очень. Больно расчётливы.

14/У1-67г. Ну, вот, первое "ЧП". Иштуова и Илларионова вчера вечером

пришли в интернат ровно в полночь, да к тому же и пьяные. Сегодня мы их отправляем домой, видимо, с вечерним поездом. Очень, очень жаль. Видимо, нужно было бы мне послушаться в Москве предупреждающих о том, чтобы не брать их в Ленинград. Чёртовы куклы ещё делают вид, что с ними ничего подобного никогда не случалось, хоть отец

Иштуовой просил Людмилу Васильевну последить за его дочерью, т.к. он, видимо, сам знает о слабости своей дочери. Я бы их вообще отчислил из школы. В этом смысле я и буду выступать на совете осенью. Говорят, что они пили только пиво, но очень много. Ссылаются, что другим это почему-то сходит с рук. Интересно, кого они

имеют в виду? Может, Ткача и К°? Нужно проследить и предупредить. Сегодня будет собрание.

В гостинице произошло “великое переселение”. Перевели всех женщин в другое место. Приехали немцы. Чёрт бы их побрал всех!

Обе приняли по большой дозе амидопирин и обеим плохо. Необходимо сделать вывод отсюда!!!

1. Ещё больше увлечь работой.
2. Выявить количество денег у каждого.
3. Строгая проверка отпуска.
4. Строгий режим.
5. Никого не отпускать на смотрение белых ночей и разведение мостов.
6. Просмотр в конце недели с оценками и за дисциплину.
7. О комсомольской работе.
8. Ребята должны обсудить это “ЧП” и дать рекомендации.
9. Отчисление из школы.

10. В их классе осенью усилить воспитательную работу. Л.Васильевна вызвала скорую помощь. Оказалось, что скорую помощь не вызывали. Вызвал скорую. Приехали через 3 минуты. Долго возились. Вызывали рвоту. Повезли в больницу. Поехал я. Уверили, что всё обойдётся. Илларионова себя чувствует хуже. Ещё бы, хватила 6 пакетов = 36 таблеток. Удивительно, зачем.

Ира Исаева очень всю эту историю тяжело переживает, плачет. Людмила Васильевна долго плакала. Еле-еле отошла. Завгородний не появлялся. Звонил в гостиницу.

С кем их отправить в Москву? Поезд в 22.22. Хотим директора угостить. Пойдём все. Решили в Москву послать Сережина, он сам вызвался, т.к. все остальные отнеслись к этому больше, чем прохладно. Проводили хорошо. Все переживали эту историю.

На другой день я был целый день с Леночкой. Вечером у Вальцеферов.

Выкупался. “Сам” приехал поздно. В мастерской днём его не было. Он, как всегда, вял. Хотели узнать что-нибудь о местных офортистах. |...|

25/VI. На приглашение придти к нам Виктор ответил: “А зачем?” “Поговорим”, - сказала Лена. “А о чём?” - ответил он.

26/VI. Сегодня он занят, завтра должны быть у него. Что-то увидим. Ведь 19 лет /прошло/. |...|

Всю предыдущую тираду я понял как курьёз, как некую шутку. Так это и оказалось. Витя нам очень много показал. Очень интересно было смотреть его старые работы. Очень, очень интересно, тем более, что я их не видел с 1943 г., т.е. 24 года, как уехал на Урал. Осталось мало. Вспоминали о старых годах, оказалось, что он всё, всё помнит. Проводил нас до дома, где мы ему передали наши офорты, понравившиеся ему. Говорили о М.Аверьянове, о В.Пурыгине, спрашивал он о В.Ефанове. Приглашали бывать у нас. Гостить. Ведь есть же где ему у нас жить.

* * *

Интересно видеть людей, заходящих в метро-вагон или ещё куда-либо, где есть места для сидения. Все теряют человеческий облик, стараясь занять место, и никто никогда не думает о том, как выглядит страшно со стороны.

На первой странице обложки:
М.Я. Митряшкин
(21.6.1967, по дороге из “Пенат”).
Рис. В.И. Завгороднего.

Бабицын
Виктор Алексеевич
/рисунк/

Шорчев
Акимтин Петрович
/рисунк/

Сукиасян
Ашот
Григорьевич

А. Сукиасян
24/IV-03

Мочальский
Дмитрий Константинович
худ.рук. от Академии художеств

А. Валиахметов
21/IV-01
Амир Валиахметов
/живопись/

29/VII-06

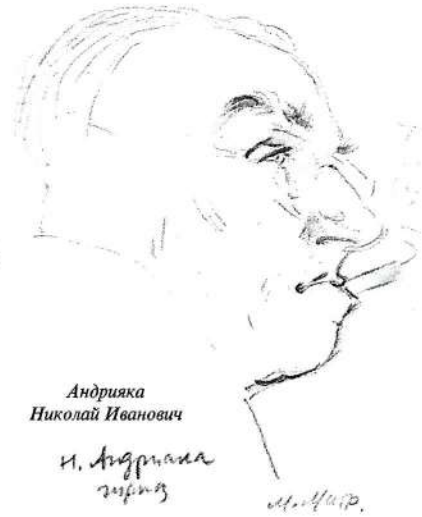

Нас. Вик.
Султанов

Стасевич
Наталья Викторовна
литература, русский/

Горский Андрей

Андрьяка
Николай Иванович

И. Андрияма
28/IV-03

М. Чап.

*Воспитанники интерната,
слева направо:*
Алексей Мельников,
Михаил Хайрулин,
Борис Кузнецов (сзади),
Мануэль Лопес,
Вазген Габриэлян (сидит),
Юрий Виноградов,
Юрий Саушкин (сзади),
Михаил Митряшкин,
Афанасий Осипов.

*Май 1946 года, Скрябинский
переулок.*

М.Я.Митряшкин

*О жизни в школьном интернате,
что находился в Скрябинском переулке
на Б.Переяславской улице /1946, осень -
1947, зима, весна/.*

У моей жены в её теперешней мастерской многие вещи старые, то ли по случаю купленные, то ли где-то подобранные, но вещи добротные, сделанные на совесть: шкафы, столы, стулья, кресла, рамы, рамки.

Рассматривая один из столов, мы вспомнили, что подобрали его во время ломки старых домов, что на Брянской улице, где 15 лет с 1965 по 1980 год у меня была мастерская.

Глядя на этот стол, я подумал, что старые вещи имеют только свою историю, свою “биографию”. Этим они интересны. По ним можно догадаться о жизни их прежних владельцев, Одновременно вещи эти, “старьё”, дают толчок уже твоим размышлениям о жизни: и своей, и рядом с тобою людей оказавшихся хоть ненадолго.

Раньше в 1946 году по Брянской ходил трамвай к Извозной /теперь

Студенческая/. На углу Извозной и Б. Дорогомиловской был /да и теперь стоит/ дом, в котором я по воле судьбы две ночи рисовал “ковёр”.

Интернатовцы, как в школе нас звали, питались в общественных столовых, то в одной, то в другой, сдавая туда необходимые талоны, В одной из этих столовых, что была на Б.Переяславской улице /тоже цела/, на раздаче была большая официантка, тётя Аня, с грубым и чёрным лицом, пугавшая нас своим ростом, грозным видом и громким голосом, но, в сущности, добрейшая тётка. Подходит она ко мне и просит нарисовать ей “ковёр”, говоря, что никто из моих товарищей этого не хочет делать.

Её направил ко мне Сергей Гусев. Она обещала заплатить. Я согласился. Многие интернатовцы где-нибудь прирабатывали; Афонька Осипов писал стенгазеты, Коля Монашкин делал витринные натюрморты для овощных магазинов. Вальцефер раз-другой совместно с кем-то делал в столовую стенгазету и т.д. Это не было зазорным. Нужны были кисти, краски. Необходимы

книги и кино. Мне, например, никто никогда рубля не прислал в то трудное время. Да и кому было присылать. Мать с младшим братом мыкалась с Урала на Волгу в поисках устройства с желающим переехать на прежнее место жительства /в г.Куйбышев/ братом Александром. В общем, у каждого из нас были свои заботы, связанные и с учёбой, я со здоровьем, и с тем, что нам уже было по 18-20 лет. Многие начали бриться и старательно гладили брюки и рубашки. Другие очень огорчились оттого, что лица их были нечисты. Краснели от одной мысли о хорошеньких Дьяконовой, Оленевой или Волоховой.

В общем, я на предложение, не долго думая, согласился, тем более что это был не первый заказ в этой столовой. Для главного бухгалтера Михаила Ивановича по его просьбе я написал с гравюры портрет генералиссимуса А.В.Суворова с репликой Михаила Ивановича, что лента через плечо должна быть голубой. Им же были куплены у меня и моих друзей натурные этюды. Он часто просил принести ему этюды и иногда покупал. На кино или мороженое этого хватало.

Приехал я на Извозную улицу, сплошь в выбоинах, наполненных грязной слякотью, и обойти эти капканы из-за темноты да множества народа было невозможно. Ехал я на втором номере троллейбуса, что тогда ходил от Ржевского вокзала. Ехал долго, очень долго. Проходя по тёмной извозной, я промок. Моя заказчица меня накормила, заставила принять ванну, а уж после этого я принялся за работу. Моя промоклость дала ей блестящую, по её представлениям, идею, которую она "железно" осуществила при расчете со мной. Тётя Аня дала мне простыню, я это

полотнище натянул на стену, загрунтовал, а пока грунт подсыхал, я немного вздремнул, а по радио в этот час передавали "Фауста", и пел И.Козловский. Под эту прелесть я рисовал на высохшей простыне сосновый бор, розовое небо и медведей. В другой выходной я доделал свой "ковёр", и, уходя, получил от своей добротки за работу огромные калоши. При этом она подчеркнула, что калоши стоят 75 рублей. Я так и не понял, что она имела в виду. А мы договаривались, что работа будет стоить 150 рублей. Елена Владимировна Шервинская, знавшая о моем "заказе", сказала, что меня надули. Но хохоту с калошами было много. Они были в пору только что слону. Но зато тётя Аня в столовой стала меня немного подкармливать. А в те времена это была большая поддержка.

В 1966 году, отправляясь к себе на родину под Саратов, на перроне Павелецкого вокзала я увидел и узнал свою "благодетельницу". Она постарела, но была ещё высока, стройна, а рядом с ней стоял всё тот же мужик с крупным носом и огромного роста, что был и тогда. Видимо, муж. Тогда он был военным. Она меня не узнала, бородатого и наполовину седого, а случай с ковром вспомнила.

Каждая старая вещь имеет свою тихую историю, "биографию", и с каждым днём к её страницам прибавляются всё новые и новые, не менее интересные.

Итак, глядя на стол, я вспомнил, как в школьные годы мы жили в интернате.

Было нас, интернатовцев, около 30 человек. Жили рядом, вместе, но все по-разному; кому-то родители помогали, а кому-то не могли помочь из дома.

Разность хоть и небольшая, но в те годы, когда тебе 20, разница в 2 года - разница большая. Один здоров, а другой постоянно прихварывает, да ещё и покуривает, а другой, хоть и здоров, но часто в зеркало видит своё прыщавое лицо, и ему уж небо видится с овечью шкуру. Один талантлив, но скромн, другой менее одарён, но боек. Поэтому каждый по-своему смотрел на дружбу, учёбу, жизнь. Но на искусство смотрели все в одну сторону, в одном направлении, несмотря на разность в возрасте, небольшой, но жизненный опыт и степень талантливости.

У каждого были свои дружеские привязанности, свои "гужи". Это только теперь с особым сладостным чувством звучат слова "школа", "интернат" и т.п. Способы выживания у каждого были свои, и они, в свою очередь /их было немного/, переплетались, создавая тонкие психологические состояния, тонкую психологическую борьбу даже в узком кругу друзей.

Все мы были ошарашены рисованием, а голод и холод нас одолевали уже потом. Шли в нашей интернатовской жизни свои радости и печали. Но никогда не видел я ябедничества, угодничества или неуважительного отношения к занятиям друг друга. Были, видимо, жестокие драки, но дальше дерущихся это не шло. Зато дисциплина и подчинение младших старшим безусловное, но издевательств не было. Была естественность здоровых, духовно крепких единиц. Было мелкое воровство, были жёсткие уроки, когда учили сытого, но жадного.

Я помню только один случай кражи, когда интернатовцы пошли в очередной раз в санитарный день в Астраханские бани, а один интернатовец в бане не был.

Посещение чудесной бани одному из нас не доставило удовольствия; ни ощущение лёгкости, ни чистое бельё, ни даже скудный наш ужин, оставленный на более поздний час, час возвращения. У него пропали 25 рублей и его паспорт. С этим паспортом хлебнул он горя в те трудные послевоенные годы, когда все и всё было на подозрении: в военкомате спрашивали - почему временное удостоверение, в институте требовали копию с метрик, а в милиции требовали подтверждения, где, когда и кем был выдан первый паспорт. Можно добавить, что только через 4 года удалось получить вновь паспорт.

В другой раз один из старших, у которого в Москве жила сестра и где он мог подкормиться и отдохнуть от всего интернатовского, бурсачного, уходя, запер свою тумбочку, но предварительно спрятал туда свой дневной паёк. Паёк остался целёхонек, но недоверие... и мы эту тумбочку, где были вещи, учебники, альбомы, краски и еда, тряхнули разок-другой. С тех пор наш товарищ никогда свою тумбу не запирает. Каждый себя утверждал по-своему, в меру своих талантов и реже - мускулов.

У многих были прозвища;

Кохма - Юра Саушкин /он из Кинешмы/;

Луп-луп - Удис Межавилкс; Лимон - муз. из Ташкента;

Мышонок - Пашук;

Рилёф - Гена Калиновский,

Окись хрома, Тюбик - Юра Цветков,

Гендуль - Ганди Юмагузин,

Акула - Олег Гневшин, .

Ела - В.Гусев из Подольска,

Челкость - Юра. Соломатин,

Гуский Богатырь - Нестор Хломов,

Фюрер - Гога /Гоген/ Казанцев,

Фюрер - Н.А.Карренберг,
Тартара-съем с костями -
Нат.Вик.Стасевич,

Купчик - Юр.Байковский - учитель
истории,

Циста - Константин Иванович,
преподаватель биологии /дарвинизм/.

Козлик - Фёдор Захарович, географ,
Селёдка - Наталья Михайловна
Серебрякова, преп. математики,

Маесте-ли - Добросердов М.В. - преп.
живописи,

Бемоль - Лидия Марковна, преп. рус.
языка,

Была такая посмешка :

Сошкин, Монашкин,
Потешкин, Митряшкин,
Тишкин, Ермишкин
и + Балабашкин.

Порядок фамилий менялся в
зависимости от случая: видят
Балабашкина, и всё начинается с него и
т.д. И ещё: Дронов, Андронов,
Шевандронова.

У старших прозвищ не было, но зато
в комнате средних ими всё было забито.
В школе прозвища были вроде "По",
"Мо" и общие "альфонсы" и
"альфруды". Это скорее были не
прозвища, а названия в чём-то мне
непонятном противоборствующих
течений среди учеников школы. Но идут
эти названия от основания школы. Мне
В.Пурыгин об этом как-то говорил.
Смысла или разницы я не помню или не
понял.

В нашей комнате были ребята из трёх
последних классов. До осени 1946 года
жили Ю.Виноградов, Ремир Столяров,
Алексей Мельников, Лев Постнов. До
осени 1947 года жили Сергей Гусев,
Орест Бетехтин/Бетола/, Ромуальд Дмит-

риев. До осени 1948 года - Витя
Вальцефер, Коля Монашкин, Евг.
Шапов, Мануэль Лопес и я. Вот эта
последняя группа нашего класса и была
сцементирована добыванием еды по
талонам и без оных, частыми
совместными походами на этюды.

На какие-то продовольственные
карточки нами покупалась картошка

В интернате МСХШ. 1946 г.

Мануэль Лопес и Михаил Митряшкин.

/почему-то всегда 8кг/. Ходили за нею 1-2
человека, а чистили и ждали, пока
сварится на плите интернатовской кухни,
все, готовя здесь же, на кухне, уроки или
сидя в прострации и лёгком голодном
опьянении.

Наевшись до отвала, мы оказывались
в своей комнате и мечтали про себя об
утре, когда можно бежать писать или
рисовать. Если были силы и зажигался
свет, мы доставали из-за кроватей свои

работы, которые должны утром работать, и долго-долго и по-всякому рассматривали или делились впечатлениями от удачи кого-нибудь из товарищей. Обычно упоминались работы старших; Столярова, Виноградова, А.Ткачёва, Саши Суханова, В.Пурыгина или рисовальщиков Котлярова, Миши Никонова или композиторов Ивана Кускова и Коли Терещенко. Но последние были уж в институте и только изредка приходили в свою “альма-матер”.

Часто в темноте мы все слушали передаваемые по радио оперы или концерты симфонической музыки или фортепьянной. Было холодно. Многие спали в пальто, шапках. Остро переживали игру и победу наших футболистов в Англии.

В наши интернатовские обычные обязанности входило приготовление топлива для общей школьной котельной, доставка ужина из очередной столовой, чистка и натирка интернатовского пола, помощь кастаньяше и конечно обычные дежурства.

Школьный комсорг Клавдия Васильевна организовывала для нас музыкальные вечера в доме Шацкой или в Доме эстетического воспитания детей, что был на углу улицы Жуковского и теперешней Макаренко, где вела Шацкая занятия с детьми, а по вечерам уделяла внимание нам. Показала нам эта удивительная женщина /ей тогда было что-то около 70 лет/ всех немецких композиторов и их предшественников. Обычно она вначале рассказывала об исполняемых вещах, иллюстрируя частями, а затем без перерыва играла всю задуманную программу.

Приходили к нам в школу певец

Анатолий Доливо, чтец Сурен Кочарян, Последний читал нам всего Давида Сасунского и многое из сказок “1001 ночи”. Были чтения о Москве и её истории проф. Генке. И невозможно забыть бесплатные билеты и контрамарки в театры и консерваторию. Что за чудо был спектакль в театре им.Маяковского “Собака на сене”. В одной ложе были только школьники: Ира Шевандроноза, Наташа Куприянова, Мануэль Лопес, Ромуальд Дмитриев и автор этих строк.

Недавно в гостях у Александра Ведерникова мы с Ирой встретились и к случаю вспомнили наше совместное посещение театра.

Ещё запомнился новогодний бал студентов в Колонном зале. Трём интернатовцам директор дал билеты на этот вечер. Видимо потому, что мы были в интернате старшие и умели танцевать.

Денег в кармане недавно купленного ещё на заводскую зарплату пиджака не было даже на буфетную конфетку - только на метро.

Придя в Колонный зал, слегка оторопев вначале, мы стали постепенно осваиваться, и выбрали себе партнёрш по танцам. Закружили в танце, но отрезвляющая и ни на минуту не покидающая мысль, что денег только на метро, а намечались проводы, взрывало изнутри всё очарование вечера; а дамы наши жили на других, очень дальних концах от нашей Переяславки. Проводы оказались несложными - было понято, что в метро нужно успеть и на обратном пути проводов у “Сокола” мы договорились о встрече. Моя дама оказалась очаровательной танцовщицей, да еще и прехорошенькой девушкой с длинными каштановыми волосами, чуточку удлинённым лицом, живыми

карими глазами и румянцем во всю щёку. Наша встреча была назначена на катке “Динамо”, что у Петровских ворот.

Я пришёл с чувством неуверенности. На коньках я катался, по представлениям моих друзей, хорошо. Коньки взял у кого-то в интернате, а костюм был обычным. Пришёл, вернее, заставил себя придти. Её нет. Стою. Не вижу. Замёрз, но жду. И тут меня что-то осенило. Вокруг меня минут уж 10 летала в тёмно-красном трико нечто вихреподобное. В лицо бросилась, я почувствовал, вся палитра красных красок, и я понимаю, что это та, которую я уж и не надеялся дождаться.

Ещё в Колонном зале я почувствовал в своём увлечении что-то неладное - очень уж она хорошо танцевала, а её рыженькая подруга лукаво улыбалась.

Я ступил на самый скользкий лёд в своей жизни.

Взявшись за руки, мы прошли круг, а может и того меньше, и всё преобразилось: отпустив мою руку, девушка в тёмно-красном спортивном костюме и синей шапочке превратилась в Терпсихору на коньках. Позже выяснилось от её огнеподобной подружки, что Терпсихора имеет по конькам что-то в духе рекорда или какого-то титула, но достаточно высокого.

Чем эта история кончилась?

Ничем. Только, не желая этого, я во вторую и последнюю нашу встречу взял реванш. В Третьяковку она не захотела, а в Музей изящных искусств пойти согласилась.

Мне было конфузно за моё катание на коньках, но Галя сказала, что всё это пустяки.

В музее мы поменялись ролями, и ей это понравилось: в музее, как и на

стадионе, мы иногда держались за руки, но по моей уж инициативе. Но я видел, что музей для неё - не стадион, а я того только и стою, что чуточку выше её ростом, подвижен и в меру смел. В этот раз я вновь проводил её, но теперь до дома. О музее она ни разу не вспомнила, а я, условившись о свидании, на него не пришёл.

Очень хороша она была... Юность радикальна, у неё только чёрное и белое.

Точно ли Галей звали музу коньков?

У нас, интернатовцев, был своего рода коллективный гипнотизм: один начинал, остальные подхватывали и развивали; несколько недель все мы учились танцевать; все, особенно старшие, доводили себя до иступления; перед новогодними вечерами, мне кажется, мы даже рисовали-то мало, Но танцы были редким исключением, т.к. непосредственно к рисованию это не относилось. В танцах выделялся М.Лопес, обладавший хорошим слухом, чувством ритма, да уж и было ему 20 лет. Младшие несколько конфузились, но тоже пританцовывали в наших коридорах, где мы обычно занимались, и где ранними утрами в воскресенье мы натирали полы. Мы только натирали, а мытьё и пропитку мастикой делали приходившие рабочие.

У некоторых были способности к подражательству, Гога Казанцев - внук известного поэта Ершова, что написал “Конька-Горбунка”. Природа одарила Гогу приятной внешностью, талантливостью в рисовании и очень мягким характером, который стал причиной всех бед его.

Итак, Юра Казанцев /Гога, Гоген/ был внешне очень похож на нашего директора, за что и получил он кличку,

как и Н.А. - "фюрер". Подражал Гоген ему в голосе, походке, манере держаться и подбирать словечки смешные, несурзные, но точно передающие манеру Карренберга говорить. У Гоги даже усики были такой же формы и цвет волос - светло-русый, как у нашего "кумира" и "благодетеля".

Было так. У нас прошёл в школе просмотр работ, Мы обсуждаем подобную ситуацию на своём "педсовете" в интернате.

Гоген - директор, "фюрер".

Ганди - Наталия Викторовна Стасевич - "селёдка"

Мы стоим в линейку, лицом к окнам. Из-за портьеры, что прикрывала вход в директорскую квартиру, выходит Гоген с заложенными назад руками и, изогнув брови, с чуть приклонённой вперёд головой, изображая суровость, непреклонность и суд неотвратимый. За ним семенит ногами Ганди - Стасевич, и после реплик Гогена, как бы сопровождая его - Ганди.

Гоген: Наблюдается, маете-ли, момент недисциплинированности и разгильдяйства, в настоящий момент, маете-ли!

Ганди: Съем с костями, съем с костями!

Ганди Юмагузин при этом очень смешно в такт мельтешению ног рубил воздух рукой, повторяя беззлобно, но как бы и на самом деле - "съем с костями, съем с костями".

И не было Гогена и Ганди, а были директор и его завуч по общим дисциплинам, наш грозный завуч, впрочем, души в нас не чаявшая.

Мы глазами едим наших друзей и громко хохочем.

В это время тихо открывается всё та же драпировка и выходит Николай Августович, точно этой же походкой и в этой же позе. Мы замерли, а Гога и Ганди не видят его своими спинами. Поняли они только тогда, когда мы замерли и прекратили смех. А директор прошёл за нашими друзьями следом через весь коридор и молча удалился.

Подобным образом проходили у нас вечера обычно в предновогодние и другие праздники, когда просмотры еще не прошли и многие интернатовцы ещё не разъехались на каникулы, а в классы не ходили, наслаждаясь отсутствием забот о физике, математике и других "химиях", где все мы были не сильны.

Впереди хоть маленькие, но удовольствия: тревожное ожидание оценок по спецпредметам, предвкушение встречи Нового года с неизменным рисованием панно во всю стену на наши школьные темы, с лицами столь похожими, что иногда исполнители этих рисунков и панно опасались не в шутку за свои жизни и благосклонности учителей и воспитателей.

Какие люди были в школе?

Н.А.Карренберг, Н.В.Стасевич, Е.М.Малиновская, В.В.Почиталов, С.П.Михайлов, А.П.Шорчев, М.В.Добросердов, П.Т.Кошевой. А какие стычки были на советах! У! У! У!

Школу в ту пору консультировали И.Э.Грабарь, Г.М.Шегаль, Ф.Шурпин. Это кого я видел.

Бывал часто секретарь ЦК ВЛКСМ Михайлов. Многие организации школе помогали, а генерал Телегин из Восточной Германии прислал школе целый вагон всего: мебель, книги, картины. Белую мебель поставили в интернате с частью картин /копий/. На

наших стенах висела прекрасная копия с Тициана “Портрет женщины в красном платье /розовом/” из Королевской галереи Берлина, “Тайная вечеря” Тинторетто, автопортрет Рафаэля, “Мадонна с куропатками” Ван Дейка.

Но вначале картинные сокровища были помещены в школьный методфонд. По весне 1946 года некий В.Мороз, учившийся в ту пору в школе, выкрал многое из присланного Телегиным и предложил в комиссионный магазин. Из милиции сообщили в школу, а из школы его турнули.

Но вернёмся ещё в интернат.

Мы росли и постоянно хотели есть. Многие из нас умудрялись получить хлеб по карточкам на много дней вперёд, часто подделывая числа на талонах. Мы жили вроде римлян: желая только хлеба и зрелищ. Зрелища нам заменяло

творчество, ну а хлеб...

Мой первый друг В.Пурыгин чуть было не поплатился серьёзно за подправку числа на своей хлебной карточке. Выручил с трудом неизменный Николай Августович. И ещё. Зрелищными “делами” у нас занимался Гена Калиновский, подделывая билеты в цирк, особенно на боксёрские соревнования.

Из старых записей.

*Свет далёких звёзд –
Живее близких Фонарей!*

*До детства на самолёте не долетишь
И в бинокль его не рассмотришь.*

*Живопись берёт всё время моё –
Терпкое счастье и мало его.*

*Ветер был так лёгок и нежен,
Что только пушок на руке любимой
Шевельнулся и замер
в ожидании новой ласки.*

Кузьмин
Сергей Александрович
/завуч по спец. пр./

Денисов Василий
/акварель/

Завгородний Владимир
/живопись/

Молчанов
Константин Михайлович
/рисунок/

Карякин Анатолий
КоррКит

Крылова
Полина Андреевна
/химия/

Сокотун
Семен Ефимович
/физика/

Манухин Ярослав
/живопись/

Ярослав Манухин

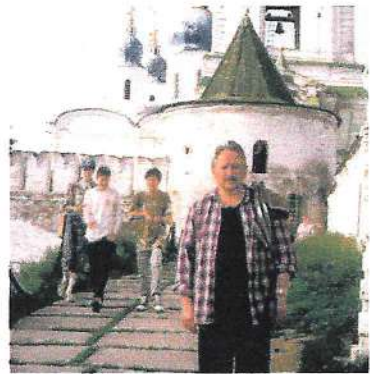
Голодаева
Людмила Васильевна
/математика/

А.В. Дронов

Этюд

После персональной выставки в январе 2002 года "Графика. Живопись. Плакат" начинаешь осмысливать пройденный творческий путь.

Тобольск

Я много ездил по стране, выезжая на летние практики с учащимися лицея (Архангельск, Тобольск, был на Памире, в Италии, на Кавказе, в Крыму). Этюды, сделанные в местах, которые сегодня становятся малодоступными (они теперь за границами нашего государства), становятся особенно ценными.

Самарканд

Italia

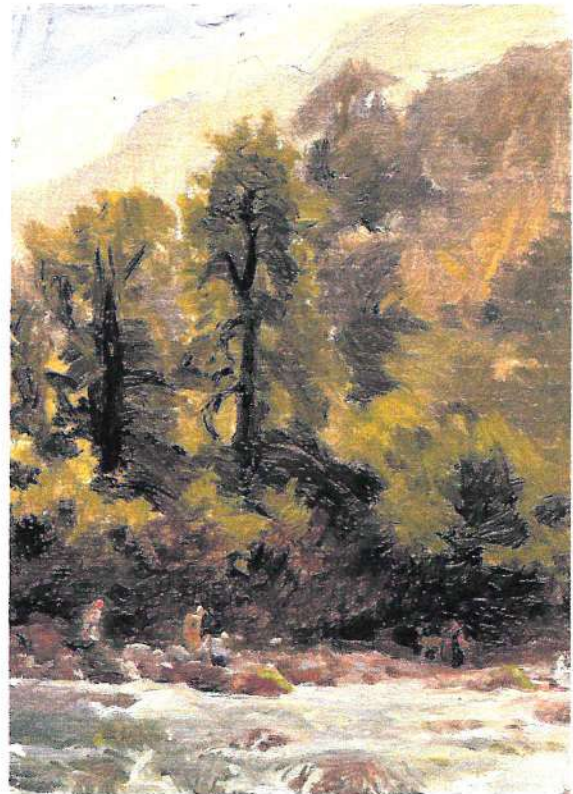
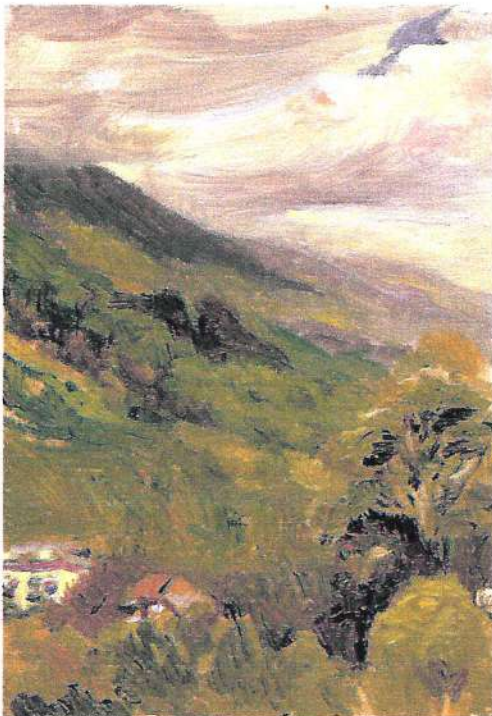

Гора Магнитная

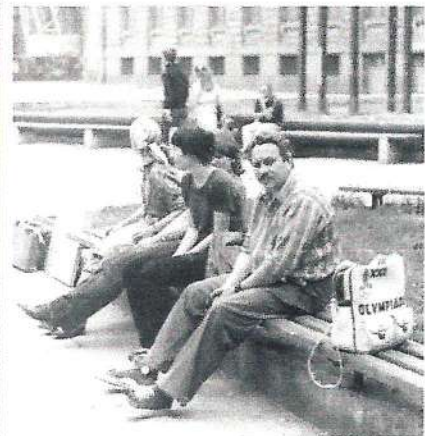
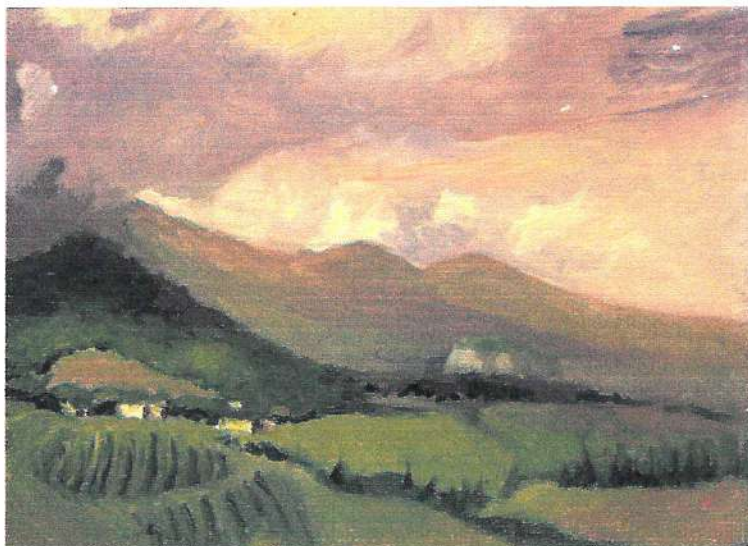
Приучаясь к походным условиям, я стал приспособлять свои художественные инструменты. Этюдник небольшого размера (11x16), который крепился на руке, давал возможность сделать этюд практически в любых условиях.

Проходит время, и этюд становится основой для замыслов в композиции. В сборе этюдного материала художник уподобляется пчеле, собирающей вкусный нектар. Сделанный с натуры красивый мотив становится памятью прекрасного, и запас этюдов – это основное богатство художника.

Мой совет молодым – не теряйте времени, ловите увиденный прекрасный момент, - сделайте этюд.

Художник-преподаватель Дронов А.В.
27.02.02.

Riga

Е. Филиревичева
24/11/13

Тараканова Екатерина
/живопись/

Балашова
Антонина Васильевна
/акварель/

Мельник Анатолий
/скульптура/

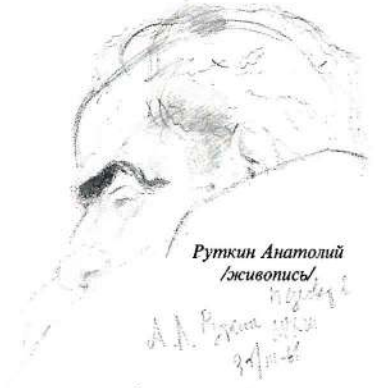
А. Мельник
24/11/13

Кузнецов Николай
/рисунок/

Бокос
Василий Михайлович
/рисунок/

Руткин Анатолий
/живопись/

Бабицын Виктор

Герасимов Василий
/скульптура/

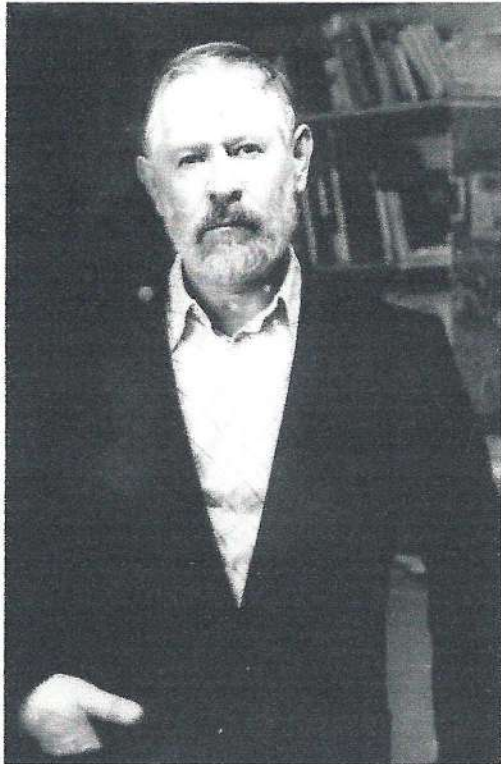
В. Герасимов
24/11/13

Эдда Евгеньевна
/французский/

Шльков Евгений
/живопись/

Михаил Яковлевич Митряшкин

О СЕБЕ

/автобиографические заметки/

12 февраля 1994 года

Я никогда не вёл дневников, редко делал записи. Мои теперешние размышления, видимо, очень субъективны, но абсолютно правдивы. За свою

свою пятидесятичетырёхлетнюю жизнь в профессиональном рисовании я пришёл к выводу, что:

работать нужно только над тем, что любишь, знаешь и хорошо умеешь;

что необходимо работать в разных жанрах; что есть любимые темы, сюжеты, жанры;

что во все виды занятий нужно вкладывать всего себя;

что задуманного не откладывать "в долгий ящик";

что работать нужно до тех пор, пока "пыл" не выйдет;

что нет идеи - не трогай холст.

У КОГО Я УЧИЛСЯ

Самыми первыми моими учителями были: журнал "Юный художник" да том Брема, откуда я срисовывал всё, что нравилось.

Александр Петрович Краснов - сын известного художника-педагога Петра Антоновича Краснова - первый обратил своё внимание на моё увлечение рисованием. Это было в 1939 году. Он дал мне изучить две

изумительные книги: Куинджи и Историю искусств Гнедича. В этих книгах мне понравилось всё.

В 1939 году же, только весной, я оказался в художественной студии Дворца пионеров при помощи своего друга, соседа Шуры Пантина. Руководил студией Андрей Андреевич Кратовский, окончивший Пензенское художественное училище и учившийся в Академии Художеств, что подтвердил Борис Персиянцев, знавший Андрея Андреевича и от него это слышавший.

Необходимо отметить, что ещё летом 1939 года я был в поле зрения П.А.Краснова, когда был зачислен в первый раз в студию ИЗО, но был и отчислен через месяц, т.к. не знал, что курсы платные.

В 1940 году я вновь поступил на первый курс ИЗО и моим учителем оказался Г.П.Подбельский. После первого полугодия я за программу /рисунок, живопись, композиция/ получил первые номера, и мои работы были посланы в Московскую художественную школу, и по рекомендации И.Э. Грабаря я был в МСХИ принят.

С началом Великой Отечественной войны мои родители меня в эвакуацию со школой /в Башкирию/ не отпустили, и я вновь оказался на рисовальных курсах ИЗО, где с осени 1941 года моим учителем по рисунку стал А.А.Любимов. Своими учителями я считаю Г.П. Подбельского /ученика Воронова, Юона, Жуковского/ и А.А.Любимова /ученика Фешина и Кардовского/. Остальные руководители и наставники в какой-то степени нанизывали свои советы на стержень Подбельского и Любимова. МСХИ и МГХИ дали творческую среду, чувство соревновательности и большой круг знакомых и друзей.

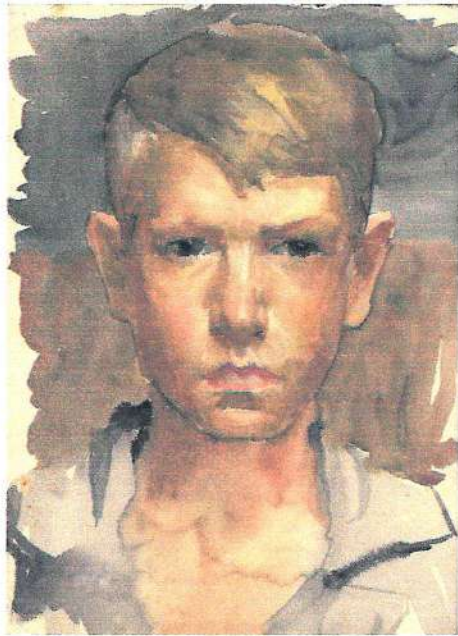
Даже советы таких мастеров, как В.П.Ефанов и Л.З.Танклевский, живших в Куйбышеве во время войны, не оказали столь большого влияния, как мои первые учителя.

Институтских и школьных руководителей не упоминаю за отсутствием их влияния на моё творчество.

**ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ
В РИСОВАНИИ**

Теперь я понимаю, что многое видел уже глазами художника, будто нарисованное в цвете, ярко, цельно, как будущие этюды, картины. Помню яркую сцену похорон бабушки не по печальному событию, а как чудо цвета, света и формы. Любил рассматривать цветные географические атласы. Особенно синие моря и рыжие горы.

В рабочей тетради отца акварелью по бирюзовому небу размыл желтые и оранжевые листья осени. За что мне попало. Обрисовывал картинки в книгах. Чаще всего переводил портреты.

Первым портретным опытом без перевода, а перерисованным, было изображение Лермонтова. Бабушка отобрала портрет, чтобы не испортил, и сказала, что "царь похож". В 1936 году по клеточкам нарисовал портрет всё той же бабушки Натальи Ивановны. Всем это изображение нравилось, а отец горделиво говорил, что "вот, самоучка", как бы одобряя мою склонность к рисованию.

С натуры начал рисовать и писать, глядя на своего друга Валю Пурыгина, который в эту раннюю пору стал учиться на трёх-годичных рисовальных курсах ИЗО. Акварелью стал писать, подражая постановкам своего друга: синие, зелёные эмалированные чайники, кастрюли и другую домашнюю утварь.

Первый этюд с натуры: осокорь, акварелью написанный на фоне рдеющего лазурного неба. Золото и бирюза. И всё это отражалось в воде Щучьего озера, что по дороге в село Рождествено.

Теперь осокори я пишу в селе Подгоры или в селе Старосемейкино.

Я уже много и сносно рисовал. Учился по учебному пособию "Искусство для всех". Учился методической работе над акварелью и в рисовании гипсов. Но, тем не менее, рисовал линией.

Тени мне казались вовсе не нужными: изменился поворот, свет, и появились новые тени, а форма-то осталась - думал я. Не в тенях дело. А в чём?

ПЕРВОЕ ПОСЕЩЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ

Я уже видел некоторые выставки студийцев в Кирхе и ещё где-то. Был в музее краеведения на Некрасовской /тоже в прежней церкви/. Был в музее Фрунзе. Видел

картины и уж сам думал о картинах.

Посещение же художественного музея в 1938 году по осени изменило моё представление о картинах. Мне музейные картины понравились совсем другим качеством, я бы сказал - своим назначением. Они были все красивые, а не только сюжетно-идейные. Особенно понравились портреты.

В музее мне понравилось все: помещение, дубовые двери, широкие лестницы, перила, большие окна, навощёные полы, но главное - картины, рисунки. Скульптуры тоже, но по-другому. Как это удивительно - кружева сделаны из мрамора или из глины.

В этот день я узнал, как важны тени. Что такое "рембрандтовское освещение", мне объяснила Т.Г.Ржепецкая и показала это на картинах рембрандтовской школы и на картине Пескова "Призыв Минина к

нижегородцам". Рисунки Кустодиева, Браза, живопись Маковского, Крыжицкого, Репина, Левитана, Малютина, Лагорио. Чудо! Я стал часто бывать в этом чудесном доме. В своей 68-летней жизни я много видел и изучил музеев, но этот был открытием мира, неведомого, прекрасного и близкого. Возьми и сделай так же. Я стал понимать, что этому нужно настойчиво учиться. Я начал искать подступы к ИЗОкурсам.

В "Юном художнике" с интересом читал биографии художников, рассматривал репродукции с их картин, рисунков, а также с большим интересом читал и статьи о своих

сверстниках, и смотрел образцы их творчества.

В эту же пору, сидя на крыше, рассматривал и великую картину мира, летя в мечтах от звезды к звезде, с замиранием сердца от расстояний и скоростей.

Часто мы так путешествовали вместе с Валеи на их сарае, под тёплой шубой и на одной подушке. Мы жили в соседних домах.

О ВЛИЯНИЯХ

Никогда не боялся никаких влияний. Просто об этом не думалось. Но их было много. Я видел великие примеры Куинджи, Туржанского, Репина, Сурикова, А.Иванова, Серова, Венецианова, Грабаря, К.Моне, Вермеера, Рубенса, Рембрандта, Тициана, Пуссена. Я испытал в сильной степени влияние этих титанов.

Я видел, тихое, ж и з н е у т в е р ж д а ю щ е е творчество своего Георгия Петровича и его всепоглощающую страсть к работе. Своим примером он как бы говорил - видишь, как это интересно! Делай так же! Думаю, что художнику нужно перепробовать все возможные приманки, чтобы найти своё.

Мы же не спутаем К.Моне с И.Грабарём. Борисов-Мусатов свои выводы сделал из д о с т и ж е н и й импрессионистов, а К.Коровин - свои. И оба индивидуальны, ярко выражены. У И.Репина было много учеников, а какие и н д и в и д у а л ь н о с т и: Кустодиев, Бродский, Куликов, Серов, Сомов, Остроумова-Лебедева, Кардовский, Грабарь. Что есть - того не заглушить. Но без учебы - никуда...

От своих учителей я воспринял не то, как

они работали, а то, как они относились к творчеству, искусству, его значению, Художник - своего рода доменная печь. Было бы чему вариться.

Много изучал старых мастеров, копируя их рисунки и части картин. У голландцев, Венецианова и его учеников изучал построение интерьера, чертя по репродукциям перспективу, определяя точку схода. Убедился, что в одном произведении могут быть несколько точек схода. Например, в рисунках Ф.Толстого к "Душеньке".

Никогда не нравилась всякая самодеятельность. Народные же мастера привлекали: Никифоров, Пиросмани, Генералич. Никогда не любил разговоров об искусстве, но много читал о нём.

Самым счастливым днём в своей жизни считаю день, в котором живу.

Годы после института были полны творчеством и устройством души.

В 1952 году женился на Елене Андреевне Коротковой. Она окончила институт в 1955

г., я - в 1954г. Оставили на самоопределение в Москве. Жена работала в Детгизе, Учпедгизе, Музгизе, "Мурзилке". Я - в Изогизе, Музгизе, Реклаmfильме. Для Музгиза было сделано около 300 портретов. Что-то с натуры, что-то с фотографий. В этом ряду было много интересных встреч с людьми: Зара Долуханова, Георгий Нэлепп, Алексей Иванов, Александр Ведерников, Надежда Казанцева, Мария Юдина, Коган, Гилельс, Тактакишвили, Георгий Свиридов и многие другие из республик. С Александром Ведерниковым, Владимиром Федосеевым, Ириной Архиповой и Георгием Свиридовым установились

тёплые, дружеские отношения.

Весной 1957 года проблема квартиры была решена путём совместной покупки с тещей дома в Лосиноостровской, что по Яро-

славской дороге.

С осени 1954 года преподавал в Московском пединституте им. Крупской. Вскоре бросил - мало платили.

С 1964 по 1969 гг. преподавал в МСХШ. Оставил по той же причине. В это время много занимался офортом. Потерял три зуба - бросил.

В разных издательствах напечатал около сотни плакатов, политических, рекламных, В оформительском комбинате создал около 1000 плакатов и панно по политике и технике безопасности. Но работа над плакатом никогда не доставляла радости: ни от формы, ни от тем. Это делалось для того, чтобы заниматься живописью. В результате самое необходимое было: хлеб-соль, краски, материалы. Никогда не жил в долг, никому не был должен. Я много и хорошо обучался, но зато что-то упустил в творческом развитии, припозднился с любимыми темами и нормами.

СНОВА О ДЕТСТВЕ

Учась в студии ИЗО, одновременно работал в музыкальном театре /бывший "Олимп"/ в качестве помощника декоратора, да ещё привозил из пекарни в ларёк хлеб для работников театра.

Видел и знал театрального художника Хондажевского /ленинградца/ и Михаила Алексеевича Буланова, выходца из нижегородских купцов, друга Ф.Богородского, декоратора, плакатиста, В Москве я ему помогал в его оформительских делах в цирке, "В саду Эрмитаж". Он очень ловко работал акварелью. Внешне он был похож на Суриковского Меньшикова. В его доме я видел многих известных циркачей: Гладильщикова, Новака, Бугримову, Кио. Работа в цирке и то, что я видел там, мне не нравилось и было не по душе.

Я так много уделяю внимания давним годам потому, что ранние впечатления, первые представления во многом определяют в человеке его дальнейшее становление как личности.

Автобиография - прежде всего размышление о себе, о времени, о своём творчестве в ряду других. Это одновременно и дьявольское занятие. Невольно думается о себе с сочувствием. Такова природа самосохранения. Правда, пропущенная через фильтр чувства и времени, становится легендой, неосознанной выдумкой. Всякое воспоминание имеет в своей основе несколько искушений:

1. искушение легендой, неосознанной выдумкой;
2. искушение правдой;
3. искушение верой в эту свою правду.

Видимо, и мне не удалось избежать этого.

Родился я в 1926 году 5 сентября по новому стилю, в степном Заволжье Средне-

Волжского края /теперь Саратовская область/, в селе Семёновка, Пугачевского района. В 1931 году, летом, родители переехали в Самару. В 1934 году пошёл в I класс школы-семилетки №12. В 1940 году поступил на трёхгодичные курсы ИЗО и дважды до 1943 года их окончил.

С 1943 до 1946 года работал на уральском автотомоторном заводе в г.Миассе.

В 1940 году был принят в МСХШ, но война отодвинула учёбу в ней до 1945 года.

Окончил МСХШ в 1948 году и сразу же поступил в МГХИ им.В.И.Сурикова.

В 1954 году окончил его по мастерской плаката.

В 1955 году принят в МОСХ СХ СССР.

Неоднократно избирался в бюро секции плаката, а также был членом правления и президиума ХФ МОСХ. Был членом худсоветов. С 1969 до 1971 работал в мастерской наглядной агитации. С 1971 по 1986 гг. работал в декоративно-оформительском комбинате ХФ МОССХ.

Были, совместно с женой, выставки:

В 1976г. в Ростове-на-Дону, родном городе жены. В 1978 г. в Куйбышеве, моём городе детства. В 1980 г. в Москве, в ЦДРИ.

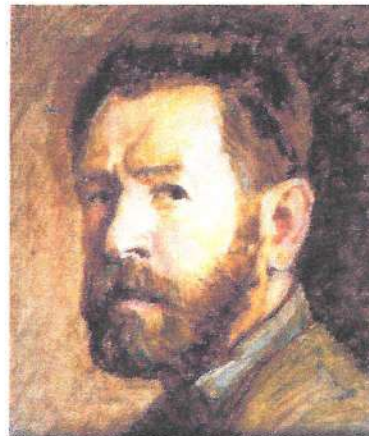
В 1975году участвовал на выставке земляков в г.Куйбышеве пятнадцатью портретами.

Участник многих выставок: московских, республиканских, всесоюзных, международных.

Мои работы находятся в музеях Самары, Ростова-на-Дону, Азова, Миасса, Брянска, Екатеринбурга. В собраниях Минкультуры СССР, РСФСР, Музея Армянской ССР, МОССХ'а и частных собраниях России, Франции, Польши, Голландии, Испании, США, Канады. С 1945 г. живу в Москве. С 1986 года получаю пенсию. Теперь много продолжаю писать во всех жанрах.

Не трудно написать автобиографию - трудно прожить. Видел много участливых людей.

Мих. Митряшкин, 18 февраля 1994г.

О седе

В. Мехи

О себе

Документ

М. Митрякин:

Для меня война началась, как и для всех советских людей, 22 июня 1941 года, в день, когда я должен был выехать в Москву, в Московскую среднюю художественную школу /МСХШ/, куда меня приняли ещё в начале года, но, по договорённости родителей и школы, учебный год я должен был закончить в своём родном городе Куйбышеве.

В этот день я решил ещё поработать, но меня позвали в дом, и по радио я услышал выступление В.М.Молотова о нападении на СССР немецких войск.

Мать сказала, что в войну она меня никуда не отпустит.

Вскоре мой друг Валя Пурыгин, учившийся уже в МСХШ, приехал из Москвы и сказал, что школу эвакуируют в село Воскресенское Башкирской АССР, и привёз мне от директора школы Н.А.Карренберга письмо - вызов с приглашением прибыть к началу учебного года в с.Воскресенское. Но родители меня никуда от себя не отпустили. Правильно ли они поступили - не мне судить, но моё обучение искусству рисования в МСХШ отодвигалось на неопределённое время.

К этой поре, правда, я уже окончил I курс трёхгодичных курсов ИЗО, по результатам этого учебного года меня и приняли в МСХШ в соответствующий класс. Но военное время распорядилось по-своему. В конце концов я получил другой жизненный опыт и не жалею об этом.

Война начала чувствоваться в городе с той поры, как стали прибывать эвакуированные из Москвы и других областей. В нашей квартире поселилась семья полковника из Молдавии. От них мы много узнали о тревожных днях перед войной, о первых боях и о том, что от местного населения и от немецких перебежчиков задолго до начала войны они слышали о

готовящемся вторжении. Знали даже дату.

Вселилась тревога и боль за Родину, видевшуюся мне в родном городе, в Волге, в прекрасных деревьях, в радости рисования и в шуме детских игр. Мне было 14 лет с хвостиком.

Эта тревога усиливалась от сознания того, что отец пойдёт на войну. Его не призвали сразу, а дали "бронь" по болезни сердца, полученную на гражданской войне, но от этого не стало спокойнее.

Мы, дети, по-своему хотели помочь сражаться с врагом. За Волгой, у Щучьего озера, мы стали копать блиндаж с окопом, и сносили туда, кто что мог, на случай боёв: дрова, керосин, спички. Во второе лето войны всё это было смыто разливом Волги, и мы об этом уж не вспоминали. Видимо, сильно повзрослели.

В городе говорили, что мальчишки, играя в войну, одного "пленного фрица" повесили в саду бывшей Земской больницы.

В Куйбышев переехало много центральных органов управления. Часто на улице встречали М.И.Калинина, он жил напротив средней школы № 6, в 8-м классе которой я учился; жили А.Я.Вышинский, А.А.Андреев. Приехал Большой театр. С Большим театром приехали, как я помню, дирижёр Николай Голованов, певца Антонина Нежданова, баритон Алексей Иванов, бас Александр Пирогов, тенор Иван Козловский, сопрано Валерия Барсова, дирижёр Самуил Самосуд, бас Максим Михайлов, Д.Ойстрах, Э.Гилельс. В городе жили: художники Кукрыниксы, писатели Илья Эренбург, бывал Алексей Толстой, В.Иванов, В.Катаев, Ф.Гладков, врачи Максим Кончаловский и Александр Бакулев. На "Поляне им.Фрунзе" среди других лётчиков лечился легендарный А.Маресьев. Здесь, в городе, жили Г.Димитров, Л.Свобода и В.Андерс. Я был на первом исполнении симфонии № 7 /Ленинградской/ Д.Шостаковича, который тоже в это время был у нас в городе. На улицах появилось много иностранцев, особенно много было поляков, они все были военные и ходили в своих конфедератках. Видел японское, английское посольства, формировались также чехословацкие воинские части. Было тревожно: окна стали занавешивать тёмным. Организовали дежурных у подъездов домов. Появились очереди. Продукты, хлеб, мыло стали выдавать по карточкам.

Первого сентября я пошёл в восьмой

класс. В нашей школе появились громкие фамилии: Куйбышев В., Каганович, ещё кто-то. В параллельном, а может и классом старше, училась Светлана Аллилуева, но вскоре в школе её уже никто не видел. Под влиянием Валерия Куйбышева я подал заявление в Горьковскую военно-морскую спецшколу, а он - в кавалерийскую. Я получил отказ, а он стал кавалеристом. Уже в послевоенное время в журнале "Огонёк" я читал заметку о нём и видел фотографию, где он на коне. А в художественной студии позировал эвакуированный из Киева ещё один Куйбышев, только он был учителем физики, носил запорожские усы и был лыс. У меня сохранился портрет, сделанный с него.

Скоро я школу бросил из-за трудности совмещения обучения в школе, в художественной студии ИЗО и помощи по дому. Занятия в студии были только вечерние, три раза в неделю. Это не мешало стоять в очередях и делать многое по дому. Эти курсы я окончил два раза, переводили меня с курса на курс каждые полгода, за отличные успехи в учёбе.

С запада на восток мимо нашего города днём и ночью шёл эшелон за эшелонам, сплошной лентой - переезжали заводы, институты, музеи, академии, люди. Своим ходом гнали стада. Город и его окружение превратились в перевалочный пункт, как, впрочем, и другие волжские города, стоящие у крупных мостов через Волгу.

В кинотеатре "Художественный" перед сеансами выступал симфонический оркестр. Я часто ходил в этот зал послушать русскую классику. Зал всегда был переполнен. Играли отрывки из опер, с оркестром выступали певцы, исполняли арии из опер и русские народные песни.

7 ноября 1941 года в городе был парад войск, парад принимал Клим Ворошилов, как всегда - на коне.

В помещении студии, которая находилась в репетиционном балетном зале, были мастерские "Окон ТАСС", они были и в других местах, где работали и местные художники и прибывшие из других городов. В студии появились новые преподаватели - художники-москвичи Г.К.Савицкий, В.П.Ефанов, Л.З.Танклевский, М.И.Сидоров. В это холодное и голодное время студия была своего рода клубом, где можно было обменяться новостями, мыслями, просто повидаться и получить сочувствие.

Поздней осенью 1941 года в кинотеатрах показывали хронику о разгроме немцев под Москвой. Все немного приободрились. Вскоре в фойе драмтеатра была развёрнута

выставка, в которой участвовали местные и приехавшие художники.

В.Ефанов выставил "Хищников" (немец и волк встретились в зимнюю, холодную, лунную ночь в поле), "На могиле товарища" и несколько портретов. Нам, студийцам и зрителям, эти работы нравились.

Л.Танклевский показал "Клятву". На мой взгляд, эта картина - лучшая из написанных на военную тему в ту пору. Местный скульптор В.Акимов выставил "Моряка-гвардейца". Соколов - "В помощь Смоленщине", И.Цыбульник - "Падаль" и "Резервы". Г.Савицкий - "По следам войны", М.Сидоров показал картину, где пленные немцы бредут по снежному полю на фоне разбитой немецкой военной техники. Мои учителя Г.П.Подбельский и А.А.Любимов тоже выставили свои работы. Всего на выставке было 100-120 работ.

В Куйбышеве я был приглашён к В.П.Ефанову, чтобы ему помочь, ввиду того, что он заболел воспалением лёгких. Видимо, меня рекомендовал мой учитель по рисунку А.А.Любимов - друг и соратник Ефанова по студии Д.Н.Кардовского. Я ходил в аптеку, магазин, на базар. Когда в лето 1942 года Ефанову нужно было принести со склада художественного музея две рамы, то я пригласил помочь мне своего друга В.Вальцефера. В это время Ефанов писал портрет лечившего его врача Максима Петровича Кончаловского. Я присутствовал на сеансах работы Василия Прокофьевича над портретом генерала А.А.Игнатьева, автора известной книги "50 лет в строю". Было очень жарко, и Ефанов был одет только в тапочки и шорты, а генерал терпеливо позировал при полном параде. Часто генерала Игнатьева можно было видеть в цирке, театре. В это же время Василий Прокофьевич работал над картиной "И.Сталин, К.Ворошилов, В.Молотов у постели больного М.Горького".

В пору своего пребывания в родном городе Василий Прокофьевич написал портреты Третьякова - директора артиллерийского завода, художников Г.Савицкого и В.Акимова. Вообще он много, плодотворно работал, да ещё и преподавал /вернее, осуществлял общее художественное руководство/ на трёхгодичных курсах ИЗО.

Моё общение с Ефановым в 1944 году было очень активно, в пору, когда я некоторое время жил у него в мастерской на Верхней Масловке в Москве.

В лето 1942 года у иностранных дипломатов, купавшихся на другой стороне Волги, украли верхнюю одежду. И только поздно вечером из города им привезли